

Я. С. ЛУРЬЕ

Из истории русского летописания конца XV века

Конец XV века — период образования Русского централизованного государства — несравненно беднее памятниками публицистики, нежели XVI век. Относительная бедность русской публицистики конца XV века препятствует изучению развития общественной мысли в это время. В какой степени можно говорить в конце XV века о расслоении феодального класса, о борьбе между боярством и дворянством? Какие общественные слои поддерживали образование Русского централизованного государства и кто выступал в качестве противников этого государства? — на все эти вопросы мы не найдем прямого ответа в литературных памятниках XV века.

Однако в одном отношении исследователь, занимающийся XV веком, оказывается в более благоприятном положении, чем исследователь XVI столетия. Небогатый публицистическими памятниками, XV век зато гораздо богаче памятниками летописания, нежели последующее время. Правда, летописание местных центров — Новгорода, Твери — уже со второй половины XV века приходит в упадок: местные летописи уже не могут противопоставить себя общерусской московской летописи. Последней летописью Новгородской феодальной республики следует, повидимому, считать Строевский список Новгородской VI летописи, прерывающей свое изложение вскоре после 1471 года,¹ — вместе с ударом по новгородской политической самостоятельности Иван III нанес удар и новгородскому летописанию. Новгородские летописные своды более позднего времени, так же как и псковские летописи, носят узкоместный характер, и события общерусского значения получают на их страницах лишь косвенное и случайное отражение. Не противопоставляет себя московскому летописанию и тверская летопись конца XV века: независимо от того, какой тверской свод середины XV века положен в основу этой летописи — великокняжеский² или владычный,³ — конец XV века представлен здесь лишь разрозненными случайными записями.⁴

Ослабление местного летописания в период образования Русского централизованного государства не означало еще унификации общерусского

¹ ПСРА, IV, 1848, стр. 129—130: ч. 1, вып. 2, 1925, стр. 449—450. Последние известия (1471—1477) представляют собой, повидимому, приписки к своду.

² А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. Известия АН СССР, отд. гуманитар. наук, 1930, № 10, стр. 741—751.

³ Я. С. Лурье. Роль Твери в создании Русского национального государства. Уч. зап. ЛГУ, 1939, № 36, стр. 98.

⁴ ПСРА, XV, стлб. 497—504.

летописания. От конца XV века до нас дошла не одна, а целый ряд совершенно различных по своему содержанию и тенденциям общерусских летописей. Летописи эти до сих пор никогда не изучались как памятники по истории идеологической борьбы. А между тем сравнительное изучение этих летописей в значительной степени восполняет пробелы в истории общественной мысли в период образования Русского централизованного государства и помогает понять характер идеологической борьбы в этот период.

* * *

Существование в конце XV века общерусских летописей различного направления не раз отмечалось историками: о неофициальной летописи этого периода, ведшейся наряду с официальной, упоминали Г. Карпов и И. Тихомиров.¹ Известия из „неофициальной“ летописи проникли, по мнению И. Тихомирова, например, в рассказ о „стоянии на Угре“ в 1480 году. Однако, ограничив круг своего исследования несколькими летописями, даже не поставив вопроса о генеалогии московских летописных сводов и их взаимоотношении между собой, Тихомиров и другие исследователи не могли ни выделить известия этой неофициальной летописи из состава доступных им сводов, ни определить ее характера.²

Глубже подошел к решению этого вопроса А. А. Шахматов.³ Он обратил внимание на целую группу известий (второй половины XV века), проникнутых „отрицательным отношением к московскому великому князю и московской администрации“ и читающихся в ряде летописей конца XV—первой половины XVI века. Шахматов пришел к выводу, что все эти известия восходят к одному источнику, в разных своих редакциях повлиявшему на различные летописи конца XV—XVI века. Этим общим источником был, по его мнению, Ростовский владычный свод — летопись ростовских архиепископов.⁴ В редакции времени архиепископа Вассиана этот свод отразился в Ермолинской летописи, в редакции времени архиепископа Тихона — в Типографской, отчасти в Софийской II и других летописях.⁵

Мысль Шахматова о существовании в XV веке Ростовского владычного свода довольно прочно укрепилась в историографии.⁶ Однако его предположение, что все приведенные выше известия, проникнутые „отрицательным отношением к московскому великому князю и московской администрации“, восходят именно к ростовскому летописанию, не представляется нам бесспорным. В Русском государстве XV века вовсе не обязательно должен был существовать только один центр независимого и неофициального летописания, — критика московского

¹ Г. Карпов. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским, ч. 1. М., 1867, стр. 112—119. — И. Тихомиров. Обзорение состава Московских летописных сводов. СПб., 1896, стр. 81—84.

² Ср. об этом в критическом отзыве А. А. Шахматова „Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обзорение летописных сводов Руси Северо-Восточной»“. [СПб., 1899 (оттиск из XL присуждения наград графа Уварова), стр. 16—90].

³ А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904 (оттиск из Известий ОРЯС, т. VIII, кн. 4, и т. IX, кн. 1).

⁴ А. А. Шахматов. Ермолинская летопись. . . , стр. 9—21.

⁵ Ср.: А. А. Шахматов: 1) Ермолинская летопись. . . , стр. 73—83; 2) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 146—150 и 284—301.

⁶ Ср.: Д. С. Лихачев. Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 457—458 и 468—469.

князя могла исходить и из различных источников. Летописи, содержащие отмеченные Шахматовым критические замечания по адресу великокняжеской власти, имеют чрезвычайно мало общего; почти совершенно, в частности, не совпадают между собой две летописи, наиболее близко отражающие, по мнению Шахматова, ростовское летописание: Ермолинская и Типографская.

Как известно, Типографская летопись, действительно, содержит целый ряд известий, относящихся к Ростову и восходящих, по видимому, к ростовскому летописанию (в официальной московской летописи их нет). Это — известия о различных бедствиях в Ростове, о важнейших событиях в жизни архиепископской кафедры и т. д.¹ Особенно интересны в этом отношении явно местный рассказ о том, как „выло“ и „стучало“ замерзающее Ростовское озеро, известия о продаже ростовскими князьями в 1474 г. половины своей вотчины, о конфликте между архиепископом ростовским Вассианом и митрополитом Геронтием из-за Кирилло-Белозерского монастыря. Сопоставление этого известия с аналогичным известием Софийской II летописи (на тенденциях которой мы остановимся ниже) еще ярче подчеркивает горячее сочувствие летописца ростовскому архиепископу и его ненависть к „высокоумным и суетным чернцам Кириллова монастыря“ и к их покровителю — митрополиту.²

Ростовский характер приведенных выше известий делает, на наш взгляд, достаточно вероятным и предположение А. А. Шахматова о ростовском происхождении рассказа о „стоянии на Угре“ в 1480 г., содержащегося в Типографской летописи и попавшего (с теми или иными изменениями) почти во все русские летописи конца XV—XVI века. В Типографской летописи рассказ об Угре имеет наиболее развернутый характер: он направлен против „сребролюбцев богатых и брюхатых“ — тех представителей боярства, которые побуждали Ивана III к компромиссу с ханом (в частности против Софии Палеолог, бежавшей во время нашествия хана), и завершающая его концовка содержит пламенный призыв к „храбрым мужественным сыновем Руссим“ не следовать примеру „кровопивцев христьянских“ и защищать „свое отечество Рускую землю“.

Политические тенденции, обнаруживающиеся в рассказе Типографской летописи о событиях 1480 г., вполне совпадают с политической позицией ростовского архиепископа во время этих событий. Ростовский архиепископ Вассиан Рыло сыграл, как известно, важную роль в организации обороны Русского государства от последнего нападения Золотой Орды. В полном соответствии с его „Посланием на Угру“ Ивану III, рассказ Типографской летописи резко осуждает поведение братьев великого князя, смело критикуя самого великого князя за его колебания. Во время „стояния на Угре“ Вассиан был в Москве.³ Любопытно в связи с этим, что и рассказ об Угре Типографской летописи написан с точки зрения человека, находящегося в Москве: говоря о событиях на Угре, автор трижды возвращается к тому, что происходило в это время „в граде же Москве“. Наконец, весьма характерно прямое совпадение между заключительной частью рассказа об Угре и посланием

¹ Ср.: А. А. Шахматов: 1) Обзорение... стр. 294—295; 2) Ермолинская летопись... стр. 24—25.

² ПСРА, XXIV, стр. 186, 194 и 197.

³ И. М. Кудрявцев. „Послание на Угру“ Вассиана Рыло. Труды ОДРЛ, т. VIII, 1951, стр. 163.

Вассиана:¹ если в заключительной части рассказа осмеиваются греческие и другие восточноевропейские государи, которые убежали от турок „с имени многыми и з женами и з детьми в чюжие страны“, то в послании Вассиан предостерегает Ивана III от той же участи: „Не обратися вспять, не речи в сердце своем: «Жену имею и дети и богатество многое, — аще и землю мою возмут; то инде вселюся!», но без сомнения вскочи на подвиг!“²

Из всех специально ростовских известий, довольно обильно представленных в Типографской летописи, в Ермолинской мы обнаруживаем только одно: перечень ростовских владык под 1396 годом. Указанный перечень никак не может считаться характерной особенностью этих двух летописей — он встречается во всех русских летописях XV—XVI веков, включая московские и новгородские; но в Ермолинской и Типографской летописях список владык не заканчивается архиепископом Григорием, занявшим престол в 1396 году, а продолжается дальше: в Ермолинской до архиепископа Вассиана Рыло, а в Типографской до Тихона. Шахматов именно в этих дополнениях к перечню владык видел доказательство того, что Ермолинская и Типографская летописи восходили к ростовским владычным сводам второй половины XV века: Ермолинская — к своду Вассиана (1467—1481); Типографская — к своду Тихона (1489—1505).³ Однако нам представляется, что само по себе такое дополнение списка владык еще не решает вопроса о происхождении летописи: ростовские владыки, наряду с новгородскими, были важнейшими иерархами русской митрополии (они носили звание архиепископов), дополнить перечень их имен без труда мог и летописец, писавший вне Ростова; помимо этого, даже заимствование одного известия еще не говорило бы о близости ко всему своду в целом.

Вторым доказательством ростовского происхождения Ермолинской летописи Шахматов считал известие 1463 года об обретении мощей ярославских чудотворцев. Известие это в Ермолинской летописи, действительно, изложено довольно своеобразно: заметив с явной иронией, что новые святые явились „не на добро всем князем ярославским — простилися они со всеми своими отчинами навек“, летописец позволяет себе кощунственную насмешку и над самими чудотворцами, именуя „новым чудотворцем“ великокняжеского наместника Ивана Сущего,

¹ ПСРЛ, XXIV, стр. 202; VI, стр. 227.

² Возражения К. В. Базилевича против мнения А. А. Шахматова, связывавшего летописный рассказ об Угре с ростовским архиепископом Вассианом (К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952, стр. 141—144), основываются на недоразумении. Шахматов („Обозрение...“, стр. 295—296) считал ростовским рассказом об Угре рассказ, читающийся в Типографской летописи, а не рассказ Софийской II—Львовской летописей, как понял К. В. Базилевич. В рассказе Типографской летописи читается полностью заключительное обращение к „сынам Русским“, но рассказ этот — вполне единый и последовательный, в то время как в Софийской II (и Львовской) соединены в сущности два разных рассказа, откуда и происходят „повторения и противоречия“, отмеченные в этом рассказе К. В. Базилевичем. Но в Типографской летописи нет ни одной из тех „хронологических и фактических погрешностей“ (двухнедельное пребывание в Красном сельде и т. д.), которые, по мнению К. В. Базилевича, делают невозможным написание этого рассказа современником и очевидцем.

³ А. А. Шахматов: 1) Ермолинская летопись... стр. 20—23; 2) Обзорение... стр. 146—150 и 291. Уваровский список № 188 (совпадающий с Ермолинской летописью до 1417 г.), в котором перечень владык доведен только до Трифона, Шахматов считал отражением свода архиепископа Трифона (1462—1467); в Софийской II и Львовской, где список доведен до Тихона, он видел несколько иное отражение того же ростовского свода Тихона, что и в Типографской.

„отписывавшего“ на великого князя ярославские земли.¹ Шахматов сопоставил это известие с житийным рассказом, сохранившимся в Софийской II и Львовской летописях, о том, как ростовский архиепископ Трифон усомнился в святости обретенных в 1463 году мощей, но, чудесно наказанный за свое неверие, оставил в 1467 году архиепископство, поселился в том самом монастыре, „идеже святыи чудотворцы лежат, и ту пребысть плачяся и до смерти своея“.² „Не забудем, что это случилось только в 1467 году, — заключает А. А. Шахматов; — следовательно, в 1463 году летопись при Ростовском владычном доме могла с иронией и недоверием отозваться о ярославских мощах; приведенный выше текст даже прямо ведет к такой летописи, так как вряд ли в другом месте, кроме архиепископского дома в Ростове, сомневались в ярославских чудотворцах“.³

И это доказательство не представляется нам достаточно убедительным. Отметим прежде всего явную непоследовательность в рассуждении Шахматова: принимая с доверием приведенный выше житийный рассказ, он должен был бы считать, что после 1467 года в ростовском своде уже не могли сохраняться кощунственные насмешки по адресу ярославских чудотворцев; между тем указанное место читалось, по его предположению, в своде Вассиана — преемника раскаявшегося Трифона по архиепископии. Уместна ли была такая насмешка в архиепископской летописи? Не чувствуется ли в известии 1463 года (высмеивающем самое понятие чудотворства) скорее светская рука — рука человека, позволявшего себе критические замечания по адресу великокняжеского наместника, но весьма иронически относившегося и к последним ярославским князьям и к местным святыням?

Приведенные места не дают, таким образом, по нашему мнению, достаточного доказательства того, что протограф Ермолинской летописи был „почти тождественен с Ростовским владычным сводом“.⁴ Между тем, этими двумя известиями, в сущности, и ограничивается А. А. Шахматов, доказывая связь протографа Ермолинской летописи с Ростовом. Как мы уже отметили, никаких специально ростовских известий в Ермолинской летописи не обнаружено. Больше того, в этой летописи нет даже таких фактов из истории Ростова, которые встречаются в других сводах: например, известий о последних ростовских князьях, о поставлении и смерти упомянутого выше архиепископа Трифона и т. д.⁵

Но если тождество Ермолинской летописи с Ростовским владычным сводом представляется нам недоказанным, то совсем уже сомнительно другое предположение А. А. Шахматова — о том, что Ростовский владычный свод был общим источником, к которому, наряду с Ермолинской летописью, восходили и некоторые другие летописи. Необходимость существования такого общего источника выводилась Шахматовым из того обстоятельства, что начиная с 1425 по 1481 год (6933—6989) текст Ермолинской летописи близок к тексту Новгородской IV летописи по Хронографическому списку (в дальнейшем: Новг. Хрон.), к тексту

¹ ПСРЛ, XXIII, стр. 157—158.

² ПСРЛ, VI, стр. 186—187.

³ А. А. Шахматов. Ермолинская летопись... стр. 20.

⁴ А. А. Шахматов. Обзорение... стр. 146.

⁵ Отсутствие общих известий между различными редакциями Ростовского владычного свода отметил и Шахматов („Обзорение... стр. 293—294). Не читаются в Ермолинской летописи и те ростовские известия, которые содержатся в Московско-академическом списке Суздальской летописи, представляющем собой, по мнению Шахматова, отражение ростовского свода архиепископа Ефрема („Обзорение...“, стр. 225—226).

неизданной летописи собрания Погодина № 1409 в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (в дальнейшем: Погод. 1409) и к Софийской I летописи по списку Царского (в дальнейшем: Соф. I Царск.). Отмеченная А. А. Шахматовым близость этих текстов (особенно с 1458 по 1472 год), действительно, имеет место; несомненно также, что ни одна из указанных летописей не может считаться протографом остальных (часть известий читается более подробно в одной летописи, часть — в другой), — все они, очевидно, восходят к какому-то общему источнику, по-разному сокращая его.¹ Но что же это за источник?

Выделяя известия, читающиеся в Ермолинской, Погод. 1409 и сходных летописях и отсутствующие в других сводах, мы обнаруживаем, что известия эти в значительной части носят характер резких критических замечаний по адресу московских властей, с особенным подчеркиванием военных неудач. Только в двух местах критика эта носит более широкий характер: в известии 1462 года о жестокой расправе Василия II над серпуховскими боярами² и в уже упомянутом известии 1463 года о ярославских чудотворцах;³ во всех остальных случаях речь идет о военных действиях. В 1458 году русские воеводы не сумели взять Вятку по вине воеводы-взяточника Григория Перхушкова;⁴ в 1468 году не была взята Казань из-за глупости молодого великокняжеского постельника Айдара Карпова;⁵ виновником следующего неудачного похода 1469 года был воевода Иван Руно;⁶ в 1472 году, во время нападения хана Большой Орды Ахмата на Алексин, жадность воеводы Беклемишева (требовавшего „посула“ у местных жителей) едва не привела к захвату этого города татарами.⁷

Перед нами — летописный свод с острой и довольно определенной тенденцией. Рассказывая о военных неудачах русских войск, автор обнаруживает детальное знакомство с описанными им событиями, однако бросается в глаза и явная субъективность его оценок: сравнивая приведенный выше рассказ о походе на Казань в 1469 году с аналогичным рассказом в других летописях, мы встречаем там совершенно иную, вполне положительную оценку военных действий Ивана Руно.⁸

Специфически военный характер этих известий делает еще более сомнительным предположение Шахматова об их ростовском происхождении — летописец, писавший при ростовском архиепископском дворе, едва ли мог бы проявлять такой интерес и обнаруживать такую осведомленность в этих вопросах.¹ Источником приведенных известий могло

¹ А. А. Шахматов. Ермолинская летопись... стр. 49—72.

² ПСРЛ, XXIII, стр. 157; ср.: Погод. 1409, л. 117; ПСРЛ, IV, стр. 148 (здесь казнь именуется только „незнаемой“). В Соф. I Царск. (ПСРЛ, V, стр. 274) осуждения казни нет.

³ ПСРЛ, XXIII, стр. 157—158; Погод. 1409, л. 117 об. Ср.: ПСРЛ, IV, стр. 148—149; V, стр. 274.

⁴ ПСРЛ, IV, стр. 147—148; V, стр. 272; Погод. 1409, л. 116. В Ермолинской летописи Перхушков не обвиняется прямо во взяточничестве, но под следующим годом сообщается о его наказании (ПСРЛ, XXIII, стр. 156).

⁵ Погод. 1409, л. 118; ПСРЛ, IV, стр. 149; V, стр. 274. Ср.: ПСРЛ, XXIII, стр. 158 (иронические замечания по адресу Айдара опущены; говорится, что русские „поидоша прочь, не учиниша ничто же“).

⁶ Погод. 1409, л. 118 об.; ПСРЛ, IV, стр. 149; V, стр. 275. Ср.: ПСРЛ, XXIII, стр. 158 (нет упоминания о Руно, но отмечается неудача).

⁷ Погод. 1409, л. 120—120 об.; ПСРЛ, IV, стр. 151; VI, стр. 31; XXIII, стр. 160 (здесь нет выпадов против Беклемишева, но в целом описание совпадает). Ср. также: ПСРЛ, VI, стр. 195.

⁸ ПСРЛ, VI, стр. 188—189; XX, стр. 280—281; XXV, стр. 282—283.

быть скорее светское лицо — человек, принимавший близкое участие в действиях московских сил, и находившийся в период составления летописи в оппозиции к великокняжеской власти. Летописный текст, сохранившийся в Ермолинской, Новг. Хрон. и других перечисленных летописях, позволяет высказать некоторые предположения об этом лице.

Заметим прежде всего, что далеко не все военные действия этого периода рисуются в интересующем нас летописном тексте в мрачном свете. Наряду с бездарными и подкупными воеводами эта летопись упоминает и такого воеводу, действия которого неизменно безупречны и постоянно увенчиваются успехом. Это — Федор Васильевич Басенок, сражавшийся с татарами еще до свержения Василия Темного в 1445 году и обнаруживший непреклонную верность Василию во время захвата власти Шемякой. В 1445 году Басенок бежал в Литву и оттуда развернул успешную партизанскую войну против Шемяки.² После победы Василия Басенок продолжал играть видную роль в военных действиях против татар и Новгорода. Близость летописца к Федору Басенку обнаруживается в ряде известий. „Тогда же мужествова Федор Васильевич Басенок“, — так сообщает о его борьбе с татарами в 6951 (1443) году Ермолинская летопись.³ Рассказывая под 6963 (1455) годом о сражениях с татарами „Сиди-Ахметевы орды“, Ермолинская, Погод. 1409, Соф. I Царск. и Новг. Хрон. летописи подчеркивают, что „Иван Васильевич Ощера с коломничи не поспе на них ударити, и пришед сы иные страны Федор Васильевич Басенок с великого князя двором, татар бил и полон отнял“.⁴ Под 6964 (1456) годом в тех же летописях повествуется о победе Басенка над новгородцами; Ермолинская летопись сохранила в данном случае и необычный эпитет по адресу Басенка — „Федор Васильевич Басенок, удалый воевода“.⁵ Не менее характерен и рассказ о покушении новгородцев на Басенка в 6968 (1460) году: „Федор Васильевич Басенок пил у посадника и поеха ночи на Городище, и удариша на него шилники, и убиша у него слугу, именем Илейку Усатого Рязанца, а сам едва утече на Городище и с товарищи. Новгородци же, слышавше голку, и возмятошася, и придоша всем Новымгородом на великого князя к Городищу: чаяли, что князя великого сын пришел ратью на них, и едва утолишася, мало упасе бог от кровопролития.“⁶ Детальный характер этого известия, ряд подробностей — все это заставляет предполагать близость его автора к главному герою происшествия, Федору Басенку.

¹ Заметим кстати, что единственное ростовское известие, обнаруженное А. А. Шахматовым в Ермолинской летописи, — перечень ростовских владык под 1396 годом, — также не дает основания для возведения Ермолинской летописи, с одной стороны, и Новг. Хрон., Соф. I Царск. и Погод. 1409, с другой, к Ростовскому своду: в Ермолинской этот перечень доведен до Вассиана, а в перечисленных летописях — только до Григория. Несмотря на это, Шахматов возводил Новг. Хрон. и сходные с ней летописи не к более ранней, а к более поздней редакции ростовской летописи, нежели Ермолинская, — к своду Тихона („Ермолинская летопись“ . . . , стр. 78—80).

² ПСРА, XXIII, стр. 152—153. Ср.: ПСРА, VI, стр. 174—175.

³ ПСРА, XXIII, стр. 151. В Погод. 1409, Новг. Хрон. и Соф. I Царск. этого известия нет.

⁴ ПСРА, XXIII, стр. 155; Погод. 1409, л. 115 об.; ПСРА, V, стр. 271, примеч. „а“; IV, стр. 147.

⁵ ПСРА, XXIII, стр. 155; Погод. 1409, л. 116; ПСРА, V, стр. 272; IV, стр. 147.

⁶ ПСРА, XXIII, стр. 156. В Погод. 1409 и других летописях это известие короче: Погод. 1409, л. 116 об.; ПСРА, V, стр. 272; IV, стр. 148. Ср. также: ПСРА, VI, стр. 182.

Предположение о близости интересующего нас летописного текста к Федору Басенку подтверждается не только обилием содержащихся в нем известий о военных столкновениях, явным сочувствием летописи Басенку и враждебностью к ряду других воевод. Оппозиционные тенденции этого летописного текста также соответствуют данным биографии Басенка: вскоре после восшествия на престол Ивана III „удалый воевода“ подвергся опалу, ослеплению и ссылке в Кириллов монастырь.¹

Кем был создан летописный свод, связанный с Федором Басенком, мы не знаем.² Но для характеристики дальнейшей судьбы этого летописного свода заслуживает внимания одна из летописей, отразивших этот свод (и притом, повидимому, более полно, чем все остальные), — Ермолинская. Уже А. А. Шахматов отметил близкую связь этой летописи с московским купцом, строительным подрядчиком и выдающимся архитектором В. Д. Ермолиным: между 1462 и 1472 годом летопись содержит целую серию известий о строительной деятельности Ермолина.³ Шахматов считал, однако, что известия о Ермолине являются случайным элементом в общем тексте Ермолинской летописи: до включения этих известий протограф Ермолинской был, по его мнению, почти тождествен с Ростовским владычным сводом.⁴ Выше мы уже указали, почему предположение о тождестве Ермолинской летописи с Ростовским владычным сводом представляется сомнительным. Если же считать, что в основе Ермолинской летописи лежал свод, близкий к оппозиционному московскому боярству, то связь между известиями о Ермолине и остальной частью свода становится значительно более понятной: представители московского патрициата Ермолины уже во второй половине XV века стали родниться с боярами и переходить в разряд земельной знати.⁵

* * *

Изучение Софийской II и Львовской дает возможность выделить еще одну общерусскую летопись конца 80-х годов XV века — летопись, оппозиционные тенденции которой обнаруживаются особенно ярко. Эта летопись была исследована А. Н. Насоновым. Он совершенно справедливо отверг мнение А. А. Шахматова, видевшего в летописном материале, сохранившемся в Софийской II и Львовской, еще одно отражение все того же Ростовского владычного свода (Тихоновской редакции).⁶ На целом ряде примеров А. Н. Насонов доказал связь протографа Софийской II — Львовской с митрополитом Геронтием.

¹ См. неизданный краткий летописчик, содержащийся в составе рукописного сборника, составленного известным сподвижником Нила Сорского Гурием Тушиным в Кирилловом монастыре (ГПБ, Соф. 1468): „В лето 6971 августа 27 Басенку очи выняли после великого князя Василья смерти год и 5 месяць (л. 183 об.). . . В лето 6981 июля 4 приехал Басенок в Кирилов жити и жил в нем 7 лет и два месяца (л. 184)“. (За сообщение этого источника я очень признателен А. А. Зимину). Ср.: С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.—Л., 1947, стр. 245; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., т. II. М., 1951, стр. 196.

² Нам нет необходимости видеть в летописном своде, лежащем в основе Ермолинской, Погод. 1409 и других летописей, личную летопись Басенка. Связи отдельных лиц с теми или иными центрами летописания не раз засвидетельствованы в истории (ср., например, связь Яна Вышатича с печерским летописанием).

³ ПСРА, XXIII, стр. 157—161.

⁴ А. А. Шахматов. Обзорение. . . , стр. 146.

⁵ М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947, стр. 110—111.

⁶ А. А. Шахматов. Ермолинская летопись. . . , стр. 18, 22, 80—81. — А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества, стр. 715—716.

Об этой связи свидетельствует прежде всего подробное и совершенно недвусмысленное по своим тенденциям, проникнутое горячим сочувствием к митрополиту, изложение истории столкновений между Геронтием и великим князем.¹

Основной вывод, сделанный А. Н. Насоновым, представляется нам вполне справедливым: одним из источников Софийской II—Львовской летописей был, по всей видимости, какой-то летописный памятник, защищавший интересы митрополичьей кафедры. Поскольку известия этого источника не переходят за 1489 (6997) год — год смерти митрополита Геронтия, — можно предполагать, что текст его доходил именно до этого года.

Свод, связанный с митрополитом Геронтием, дошел до нас в составе Софийской II—Львовской летописей в соединении с известиями других, уже знакомых нам сводов. Некоторые известия совпадают здесь с записями Погод. 1409, Соф. I Царск., Новг. Хрон. и отчасти Ермолинской летописей.² Другие известия в Софийской II и Львовской совпадают с таковыми с Типографской летописью.³ Как и когда проникли эти известия в протограф Софийской II—Львовской — сказать трудно: общим источником и той и другой летописи был свод 1518 года (на этом годе прерывается общий текст обеих летописей); известия, сходные с известиями Типографской, Ермолинской и других летописей, могли быть заимствованы как сводом 1518 года, так и предшествовавшей ему летописью 1488 года, связанной с Геронтием. Но даже если эти известия были заимствованы уже в 1488 году, то все равно вторичный характер их в составе промитрополичьего свода 1488 года не вызывает сомнений. Доказательством этого может служить, например, рассказ о „стоянии на Угре“, совпадающий в значительной части в Софийской II—Львовской и в Типографской. В Типографской рассказ этот вполне последователен и лишен внутренних противоречий. Начинается он с известия о выступлении против Ивана III его братьев — удельных князей; причем автор явно смотрит на эти события с общерусской точки зрения, сочувствуя великому князю. Узнав о выступлении братьев в Новгороде, Иван III спешит в Москву: „и ради быша вси людие, быша бо в страсе велице от братии его, все грады быша в осадах, и по лесом бегаючи мнози мерли от студена без велика князя“.⁴ Совершенно иной характер носит изложение в Софийской II—Львовской летописях. Здесь сообщается о мотиве, вызвавшем братьев на выступление; о нарушении Иваном III феодального права „отъезда“ вассалов, причем с явным сочувствием цитируются слова князя Бориса Волоцкого: „что какову силу чинит над ними, что невольно кому отъехати к ним... уже ни за бояре почел братью свою; а духовные отца своего забых“.⁵ Следующий за этим в Софийской II—Львовской текст, сходный с Типографской — получение князем в Новгороде вести о выступлении братьев, общая радость по поводу его приезда, — совершенно неуместен после такого начала. Изложение самого „стояния на Угре“ в Софийской II—Львовской также противоречиво и не-

¹ А. Н. Насонов, ук. соч., стр. 716—719.

² ПСРЛ, VI, стр. 170, 195; XX, стр. 256, 297. Ср.: ПСРЛ, V, стр. 267; VI, стр. 31.

³ ПСРЛ, VI, стр. 191—194 (в Львовской этого рассказа нет), 222—224, 232, 235—236; XX, стр. 336—339, 346—347, 350—351. Ср.: ПСРЛ, XXIV, стр. 188—192, 198—203.

⁴ ПСРЛ, XXIV, стр. 198.

⁵ ПСРЛ, VI, стр. 222; XX, стр. 336.

последовательно: здесь в сущности читается не один рассказ об этом событии, а два рассказа, соединенные вместе (и, кроме того, еще послание Вассиана на Угру), заимствованные из протографа Типографской летописи.¹ Второй рассказ, читавшийся, возможно, в своде 1488 года, первоначально гораздо резче критикует великого князя, чем рассказ Типографской (Иван III не слушался Вассиана, а слушался своих злых советников; он жил вне Москвы, боясь своих собственных граждан); обвинение в трусовом поведении во время татарских нашествий распространяется здесь не только на Ивана III, но и на его предков; решающая роль в событиях 1480 года приписывается братьям великого князя, добившимся от Ивана III обязательства не „чинити силы над ними“ и пришедшим после этого к нему на помощь (рассказ, прямо перекликающийся с приводимыми в Софийской, II—Львовской выше словами князя Бориса о „силе“, которую „чинил над ними“ Иван).² Соединение этого рассказа с рассказом Типографской привело к явным нелепостям и дублировкам текста (две поездки Ивана III в Москву и т. д.).

Таким образом, мы можем говорить, для конца XV века по крайней мере, о трех неофициальных общерусских сводах:³ о независимом, но не враждебном великокняжеской власти ростовском своде, отразившемся в Типографской, о более оппозиционном по своему характеру своде, легшем в основу Ермолинской, Новгородской по Хронографическому списку и других летописей, и, наконец, о резко враждебном великому князю промитрополичьем своде, получившем отражение в Софийской II и Львовской летописях. Существование в конце XV века столь различных по своему характеру неофициальных общерусских летописей (наряду с официальной) свидетельствует о сложном и противоречивом характере феодальной идеологии того времени: сразу же после образования Русского централизованного государства внутри правящего класса этого государства обнаруживаются серьезные разногласия. Однако существование независимого летописания внутри централизованного государства не могло быть непрерывным и длительным. Ни одна из разобранных летописей не просуществовала до конца XV века. На 1473 году прекращается совпадение между Ермолинской, с одной стороны, и Новг. Хрон. и сходными с ней летописями — с другой; здесь кончается, как мы можем предполагать, общий источник, лежавший в основе этих летописей. 6992 (1484) годом завершается протограф основного текста Типографской летописи. На 1488 году, как мы указывали, прерываются известия промитрополичьего оппозиционного источника Софийской II—Львовской. В Ермолинской летописи после 1473 года читаются лишь краткие приписки к основному тексту.

¹ А. А. Шахматов. Обзорение... стр. 297, примеч. 3. Из протографа Типографской заимствован, очевидно, рассказ об Угре и в Воскресенской летописи (там же, стр. 295—296).

² ПСРЛ, VI, стр. 231; XX, стр. 346. Кем и когда составлен второй рассказ Софийской II—Львовской — сказать трудно. В 1941 году автором настоящей статьи было высказано предположение о тверском происхождении этого рассказа (Я. С. Лурье. Из истории политической борьбы при Иване III. Уч. зап. ЛГУ, № 80, стр. 85, примеч. 1). В настоящее время нам представляется более вероятным, что рассказ этот (судя по его тенденциям) — органическая часть промитрополичьего свода 1488 года, лежащего в основе Софийской II—Львовской летописей.

³ Мы не касаемся здесь сводов, содержащих важные известия по русской истории, но в основной своей части местных, как, например, Устюжского свода (Устюжский летописный свод. М., 1950), Вологодско-Пермской летописи и т. д. О Вологодско-Пермской летописи см. стр. 178 настоящей статьи.

В Типографской летописи (Типографском списке)¹ после 1484 года начинается (с дублировкой двух лет — от 1482 г.) текст совершенно нового летописного свода. Текст нового летописного свода начинается с 1489 г. и в Софийской II—Львовской. Сопоставляя эти новые летописные тексты, мы обнаруживаем, что перед нами — один и тот же летописный свод; тот же самый летописный свод мы встречаем и в Новг. Хрон., и в Погод. 1409, и в Соф. Царск.; тот же свод читается, как мы увидим, и во множестве других летописей. Анализ этого нового летописного свода, вытеснившего неофициальное летописание, свидетельствует о том, что перед нами в своей основе — официальная великокняжеская летопись.

* * *

Вопрос о великокняжеском московском летописании конца XV века в сущности так же мало исследован в историографии, как и вопрос о неофициальных летописях. Твердо установленным можно считать только существование двух московских великокняжеских сводов второй половины века: свод 1472 года дошел до нас в составе неизданных летописей — Никаноровской, Вологодско-Пермской (Великопермской) и других;² свод 1479 года, существование которого было теоретически доказано А. А. Шахматовым на основании текста так называемой Ростовской и Симеоновской летописей,³ был впоследствии найден им в списке XVIII века.⁴ Несколько более поздняя редакция (90-х годов XV века) этого же свода (но зато — в списке XVI века) была обнаружена М. Н. Тихомировым и издана в т. XXV „Полного собрания русских летописей“.⁵

Летописные своды 1472 и 1479 годов могут считаться типичными образчиками великокняжеского летописания. Подробное описание политических выступлений великого князя — почти протокольный отчет о двух походах Ивана III на Новгород (в духе крайней враждебности к новгородским „изменникам“ и „прелестникам“), явный интерес к светским событиям (за счет церковных), тенденциозная переработка более ранних известий — все это крайне характерно именно для этих сводов. Но где искать продолжение великокняжеских сводов после 1479 года? Начиная с этого года мы встречаем единую цепь известий в целом ряде летописей: в уже известных нам Новг. Хрон., Погод. 1409, Соф. I Царск.; сходно с этими летописями изложение периода после 1479 года в Симеоновской, Воскресенской, в Софийской II и Львовской (после 1489 года), в дополнительном тексте Типографской (с 1484 года), в Никоновской и других летописях. Однако исследователи не склонны были возводить эти летописи к официальному своду конца XV века. Сравнивая Соф. I Царск. с Симеоновской и Воскресенской, Шахматов обратил внимание на отличия между этими летописями: в Симеоновской и Воскресенской летописях (и отчасти в Новг. Хрон.) читается ряд известий (главным образом по дипломатической истории), отсутствующих в Соф. I Царск. Исходя из этого, Шахматов предположил, что официальная летопись была

¹ О дополнительном тексте Типографской летописи см. ниже, стр. 179.

² А. А. Шахматов. Обзорение. . . , стр. 346—360.

³ А. А. Шахматов. Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая нач. XV в. Известия ОРЯС, 1900, т. V, кн. 2, стр. 457—491.

⁴ ГПБ, Эрмитаж., № 4166.

⁵ ГИМ, собрание Уварова (номер рукописи в предисловии к т. XXV ПСРА не приведен).

источником, на основании которого Симеоновская и Воскресенская летописи (независимо друг от друга) были дополнены; основным же источником всех этих летописей была, по его мнению, какая-то неофициальная летопись (хронограф, митрополичий или ростовский владычный свод).¹

Решающее значение для определения характера и тенденций интересующего нас летописного рассказа после 1479 года имеет найденный М. Н. Тихомировым Московский свод конца XV века (Уваровский список). Рассматривая известия Московского свода за 1479—1492 годы (на этом годе обрывается текст свода), мы обнаруживаем, что перед нами — текст, совпадающий с Софийской I по списку Царского и сходными летописями. Особенно близкими к тексту Московского свода оказываются летописи, текст которых также обрывается на 90-х годах XV века — уже известная нам летопись Погод. 1409, а также неизданная летопись Беляевского собрания Всесоюзной Библиотеки им. В. И. Ленина.² Почти дословное совпадение известий Московского свода за 1479—1492 годы с соответствующими известиями других летописей, так же как пространный характер этих известий, — все это, на наш взгляд, не позволяет рассматривать известия 1479—1492 годов как случайные приписки к своду 1479 года, а Московский свод, изданный в т. XXV „Полного собрания русских летописей“, — как простую копию свода 1479 года.³ Случайные приписки к своду 1479 года не могли бы иметь такого характера и не получили бы такого распространения, как интересующий нас текст 1479—1492 годов. Но то обстоятельство, что разбираемый текст 1479—1494 годов следует именно за великокняжеским сводом 1479 года, представляется нам весьма многозначительным. Уже в Симеоновской летописи текст после 1479 года (в несколько дополненном виде) непосредственно следует за большим куском текста свода 1479 года (с 1410 по 1479 г.); Шахматов считал, однако, что текст 1410—1479 и 1479—1494 годов попал в эту летопись из разных источников, и соединение их здесь случайно.⁴ В Московском же своде конца XV века мы с самого начала по 1479 год читаем один сплошной текст великокняжеского свода 1479 года; естественно предположить поэтому, что и вся летопись в целом отражает новую, более позднюю редакцию великокняжеского Московского свода 1479 года.⁵

¹ А. А. Шахматов: 1) Симеоновская летопись... стр. 501, 505, 512; 2) О так называемой Ростовской летописи. М., 1904, стр. 171; 3) Ермолинская летопись... стр. 12—13 и 78—79. Ср. статьи А. А. Шахматова о хронографе.

² БИЛ, Муз. № 1512. Этот список был обнаружен А. А. Зиминим (любезно сообщившим нам о нем) и исследован А. Г. Кравченко в его еще не опубликованной работе.

³ Такое мнение высказал Л. В. Черепнин в рецензии на т. XXV ПСРЛ (Вопросы истории, 1951, № 9, стр. 143).

⁴ А. А. Шахматов. Симеоновская летопись... стр. 507.

⁵ Следует отметить, что мысль о московском характере интересующего нас летописного текста, тоже (наряду с другими гипотезами) высказывалась в работах А. А. Шахматова, хотя и в очень неопределенной форме. В „Разысканиях и древнейших летописных сводах“ (СПб., 1908) Шахматов характеризовал неизданную летопись Погод. 1409, как „сокращенный московский свод 1494 г.“ (стр. 237—238), а в статье „Летописи“ в „Новом энциклопедическом словаре“ (1916) указывал, что Симеоновская летопись „с 1481 по 1494 гг. представляет извлечение из официальной московской летописи, которой был дополнен и самый Московский свод“ (цит. по: А. А. Шахматов. Обозрение... стр. 367). Но Погод. 1409 после 1479 года почти буквально совпадает и с Московским сводом и с Соф. I Царск., а Симеоновская летопись за этот период чрезвычайно к ним близка.

Тенденции Московского свода конца XV века подтверждают это предположение. После 1479 года характер этого свода несколько не меняется; перед нами столь же детальное изложение важнейших событий политической истории Русского государства, сделанное с таких же официальных позиций, как и в части до 1479 года. Подробно изложены важнейшие военные действия этого периода — война с „немцами“ (Ливонским орденом), татарами; систематически освещаются дипломатические сношения Русского государства с другими странами — миссия Ф. Курицына в Венгрию, сношения с римским (германским) императором, Литвой, Крымом, „Иверской землей“ (Грузией) и т. д.

Особенно ясно обнаруживаются тенденции Московского свода при сравнении его с другими летописями за эти же годы. Возможности для такого сравнения дают Типографская (основной текст), Софийская II—Львовская (до 1489 года) и некоторые другие летописи. В Типографской летописи, как мы уже знаем, отразился некий неофициальный свод, связанный с Ростовом и доходящий до 1484 года; в Софийской II—Львовской вплоть до 1489 года читаются известия летописи, близкой к митрополиту Геронтию. Отсюда — возможность сопоставления параллельных известий.

Процесс образования Русского централизованного государства не был еще завершен к 1480 году; в течение ряда лет Ивану III предстояло еще вести жестокую борьбу с остатками новгородского сепаратизма; лишь в 1485 году к Русскому государству была присоединена Тверь. Неофициальное летописание приводит ряд подробностей этой борьбы — подробностей, освещение которых не всегда было приятно государственной власти. Типографская летопись, осуждавшая прежнего новгородского владыку Феофила за то, что тот не хотел, „чтобы Новгород был за великим князем“,¹ тем не менее не очень сочувствовала репрессивным мероприятиям великого князя в Новгороде. Она с явным неодобрением рассказывала, как Иван III „мучил“ и „грабил“ новгородских бояр, арестованных по „обговору“; в отместку за это, по ее словам, недовольные новгородцы „волшебством“ „ум отъяша“ у нового владыки Сергия — ставленника Москвы.² Софийская II—Львовская летопись, полностью повторившая известия Типографской о репрессиях в Новгороде,³ еще более усилила их оппозиционный характер, опустив осудительную оценку Феофила и с сочувствием сообщив, что этот владыка „нужею великого князя“ оставил епископство „в заточении сидя“; под 1489 годом здесь сообщается о новых высылках и казнях в Новгороде „обговору дея“. ⁴ В Московском своде обо всем этом говорится совершенно иначе. О репрессиях в Новгороде здесь сообщается кратко и сдержанно, причем подчеркивается, что выселенным боярам Иван III „подавал поместья в Москве под городом“ и лишь „бояр, которые крамолу держали от него, тех велел заточить в тюрьмы по городем“. Деликатный вопрос о сумасшествии архиепископа Сергия здесь совсем обойден.⁵

Так же обстоит дело и с вопросом о присоединении Твери. Софийская II—Львовская летопись, рассказывая о последних днях

¹ ПСРЛ, XXIV, стр. 198.

² ПСРЛ, XXIV, стр. 203.

³ ПСРЛ, VI, стр. 235—236; XX, стр. 350—351.

⁴ ПСРЛ, VI, стр. 235; 238—239; XX, стр. 349—350, 353—354.

⁵ ПСРЛ, XXV, стр. 329—330 (Погод. 1409, л. 131 об.). Рассказ о выводе „житых людей“ в 1489 году в Московском своде не сохранился из-за пропуска листа (ПСРЛ, XXV, стр. 331, сноски); ср.: Погод. 1409, л. 134.

Тверского княжества, обнаруживает явное сочувствие к тверским боярам, „изобитенным“, по словам летописи, „московскими детьми боярскими“.¹ В Московском своде рассказ о присоединении Твери носит явно официальный характер; правда, Уваровский список Московского свода сохранил это известие не полностью — под 1485 годом (от конца 6992 до середины 6994) в этом своде обнаруживается большой пропуск,² но в совпадающих с ним списках Погод. 1409 и Беляевском (как и в более поздних официальных летописях) мы читаем обвинение последнего тверского великого князя в „неправде“ (за сношения с Литвой); тверские бояре и князья именуются здесь „кормольниками“.³

Не менее интересно сопоставить изложение вопросов внешней политики в сводах конца XV века. После падения татарского ига борьба за Казань стала одним из основных вопросов русской восточной политики. Борьба эта шла с переменным успехом. Довольно неопределенными были, например, результаты большого похода 1482 года. О походе этом мы знаем только из неофициальных летописей. Они сообщают, что в походе участвовала даже артиллерия, руководимая известным Аристотелем Фиоравенти, но в конце концов Иван III „увернулся из Володимира, а судная рать ходила мало не до Казани, и умирился“.⁴ Московский свод и вслед за ним более поздние официальные летописи предпочитают вовсе не упоминать об этом событии. „Того же лета был князь великий Иван Васильевич в Владимире“ — вот все, что узнаем из этого свода.⁵ Зато о бесспорной удаче 1487 года — взятии Казани и возведении на ханский престол русского ставленника мы читаем здесь пространный и исполненный торжества отчет.⁶

Но особенно ярко обнаруживаются тенденции Московского свода и неофициального летописания при сравнении известия о взятии в 1483/84 году Киева союзником Ивана III — Менгли-Гиреем. Если для неофициальной, но не враждебной великокняжеской власти летописи (Типографская) поход Менгли-Гирея это — „злоба“, „грех ради наших“, которую летописец со своей христианской точки зрения горько оплакивает, но тайных пружин которой он не знает или не хочет знать, если промитрополичий свод (Софийская II—Львовская летописи) прямо возлагает вину за „пакости“ Менгли-Гирея на великого князя („князь же великий... повеле воевати королеву землю“), то Московский свод, не скрывая, что Менгли-Гирей пошел „по повелению“ Ивана III, полностью оправдывает это мероприятие. Перед нами — несомненно официальная точка зрения.⁷

Отмеченные нами официальные тенденции Московского свода за 1479 и последующие годы помогают понять и политический смысл одного из самых крупных летописных рассказов этого периода — рассказа о „стоянии на Угре“, читающегося в Московском своде под 6988—6989 (1480) годом. Рассказ этот — единственный случай совпадения Московского свода с неофициальным сводом, отразившимся в Типо-

¹ ПСРЛ, VI, стр. 237; XX, стр. 352.

² ПСРЛ, XXV, стр. 330.

³ Погод. 1409, л. 132 об.

⁴ ПСРЛ, VI, стр. 234; XX, стр. 349; XXIV, стр. 202. Ср. также: Устюжский летописный свод, стр. 94.

⁵ ПСРЛ, XXV, стр. 329; Погод. 1409, л. 129.

⁶ ПСРЛ, XXV, стр. 331; Погод. 1409, л. 133—133 об.

⁷ ПСРЛ, XXIV, стр. 202; VI, стр. 234; XX, стр. 349 (наряду с этим в обеих летописях читается рассказ, заимствованный из Типографской); XXV, стр. 330; Погод. 1409, л. 131. Ср. ниже, стр. 184.

графской летописи: так же, как в рассказе Типографской летописи здесь говорится о том, что Иван III отзывает войска к себе в Кременец, „боящиеся татарского прехождения, а слушающая злых человек, сребролюбцев богатых и брюхатых“; так же как и в Типографской, супруга Ивана III, София Палеолог, обвиняется здесь в позорном бегстве; сподвижники ее именуется „кропивцами крестьянскими“, и на их головы призывается гнев божий.¹ Такого рода замечания, по мнению исследователей, „никак не могли иметь места в официальной великокняжеской летописи“.²

Верно ли это? Заметим прежде всего, что приведенный рассказ (с утверждением, будто Иван III слушал „злых человек, сребролюбцев богатых и брюхатых“) читается во всех почти летописях XVI века, включая и такие, официальный характер которых ни у кого не вызывает сомнений, например в Никоновской летописи. Если бы, наряду с рассказом, находящимся в Типографской летописи и Московском своде, существовал в конце XV века еще другой официальный рассказ об Угре, то он должен был, очевидно, как-то отразиться в летописании (особенно официозном) последующего времени. Однако, изучая рассказы об Угре в летописях XVI века — в Симеоновской, Воскресенской, Никоновской, в Хронографе, „Русском временнике“ и т. д. — мы не обнаруживаем в них ни одного элемента, которого не было бы в Типографской летописи или Московском своде.

Уже одно это обстоятельство делает весьма сомнительным противопоставление рассказа Московского свода, как неофициального, какому-то недошедшему до нас официальному рассказу от Угре. Но действительно ли рассказ, содержащийся в Московском своде, никак не мог читаться на страницах официальной великокняжеской летописи? Если мы, как и прежде, сопоставим данный рассказ Московского свода с рассказами других современных летописей, то убедимся во всяком случае в одном обстоятельстве: рассказ Московского свода не только ничего не прибавляет к критическим замечаниям по адресу князя, читающимся в этих летописях, но дает в общем наиболее лояльную характеристику его политики в 1480 году. В отличие от Софийской II—Львовской, а также местной летописи — Устюжского свода,³ Московский свод ни в какой мере не проявляет сочувствия братьям Ивана III;

¹ ПСРА, XXV, стр. 329; Погод. 1409, лл. 128, 129.

² К. В. Базилевич, ук. соч., стр. 138. Сходную мысль высказывал и А. Е. Пресняков в статье „Иван III на Угре“ (Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову, СПб., 1911, стр. 281—286). К. В. Базилевич (ук. соч., стр. 137—141) считал, что рассказ об Угре в Московском своде (Уваровском списке) составлен в митрополичьей канцелярии, никак, однако, не связывая этот вывод с общей характеристикой Московского свода в целом. Недостатком построения К. В. Базилевича является также то обстоятельство, что он совершенно не заметил совпадений между рассказом Московского свода и рассказом основного текста Типографской летописи (одним из двух рассказов Софийской II—Львовской). Предположение К. В. Базилевича, что некоторые черты протографа рассказа Московского свода сохранились в „Русском временнике“ — летописи XVI века, также не представляется нам убедительным. В „Русском временнике“ (ч. II, М., 1820, стр. 158—166) читается очень поздний вариант рассказа (близкий к рассказу Никоновской летописи), явно основанный на нескольких более ранних источниках (ср., например, дважды повторенное „Тогда же воева Минда Гирей царь Крымский королеву землю Подольскую“ — в середине и конце рассказа); упоминания об Ошере и Мамоне и о спутниках Софии — В. Б. Тучко и др., которые К. В. Базилевич возводит к протографу „Русского временника“ и Уваровского списка, в действительности взяты „Русским временником“ из второго рассказа Софийской II—Львовской.

³ Устюжский летописный свод, стр. 93.

в отличие от другой местной летописи, Вологодско-Пермской,¹ Московский свод ничего не сообщает об обещании Ивана III поделить с братьями вотчину умершего брата Юрия и о переговорах Ивана III с ханом. Сопоставление рассказа об Угре в Московском своде с Типографской летописью также обнаруживает, наряду со значительными совпадениями, важные различия между обоими рассказами. Отсутствуют в Московском своде характерные для Типографской летописи отступления, описывающие переживания лиц, находившихся „в граде Москве“, в том числе „архиепископа Васьяна“; нет здесь весьма характерного для рассказа Типографской летописи рассуждения, что находившиеся в столице не ждали „ни от кого же помощи“, кроме бога. Мотив этот повторяется в Типографской и далее: вернувшись после ухода татар, князь якобы возглашает: „Ни ангел, ни человек спасе нас, но сам господь, пречистые и всех святых моленми“; в заключительной части рассказа автор объясняет, что он писал не для того, чтобы укорять кого-либо, „но да не похвалятся несмыслени в своем безумии, глаголюще: „Мы своим оружием избавихом Русскую землю», но дадут славу богу и пречистой богородице“. В Московском своде всего этого нет.³ С другой стороны, в Московском своде читается ряд мест, которых нет в Типографской летописи. Яснее показывают Московский свод и сходные с ним летописи связь между вступлением братьев и походом Ахмата. Ахмат, согласно этим источникам, пошел в поход, „слышав, что братия отступиша от великого князя“; в самом Московском своде (Уваровском списке) говорится даже, что Ахмат пошел „по совету братьи великого князя, князя Андрея и князя Бориса“.³ Резче здесь подчеркнута и роль польского короля Казимира в татарском нашествии: в Московском своде сообщается не только о соглашении между королем и ханом, но указывается даже предполагавшийся маршрут их совместного похода: „царю от себя полем, а королю от себя“.⁴

Все отмеченные своеобразные черты рассказа Московского свода по сравнению с Типографской летописью говорят об официальном характере этого рассказа, о соответствии его тенденций политической линии великого князя (борьба с Литвой, наступление на удельных князей после 1480 года).

Чем же объяснить тогда наличие в этом рассказе приведенных мест о влиянии „сребролюбцев“ на Ивана III, о трусливом поведении Софьи Палеолог и окружавших ее „кровопивцев“? Думается, что места эти не показались бы исследователям столь невозможными на страницах великокняжеской летописи, если бы они учли важные политические перемены, происшедшие в Москве после 1480 года. В 1484 году, как мы узнаем из той же Типографской летописи, жена великого князя, Софья Палеолог, оказалась замешанной в какой-то политической интриге, связанной с одним из последних удельных князей — Василием Михайловичем Верейским. Последнему пришлось бежать в Литву; политическое положение самой великой княгини пошатнулось. В 1483 году был

¹ БАН, 16.8.15, лл. 265—281 (сходный рассказ в Софийской летописи по Воронцовскому списку: БАН, 34.2.31, лл. 457 об. — 461). Неофициальный характер свода, сохранившегося в Вологодско-Пермской летописи, подтверждается, в частности, следующим за рассказом об Угре известием о походе Менгли-Гирея на Киев.

² ПСРА, XXIV, стр. 200—201. Ср.: ПСРА, XXV, стр. 328; Погод. 1409, лл. 127—129.

³ ПСРА, XXV, стр. 327; Погод. 1409, л. 126 („по совету братьи“ — нет). Ср.: ПСРА, XXIV, стр. 199.

⁴ ПСРА, XXV, стр. 327; Погод. 1409, л. 125. Ср.: ПСРА, XXIV, стр. 199.

арестован Василий Тучков, один из „кровопивцев“, сопровождавших Софию в ее бегстве; после 1486 года попал в опалу и Иван Ощеря, выступавший на Угре против решительного сопротивления хану.¹ В такой обстановке рассказ Московского свода о событиях 1480 года приобретал особое звучание: рассказ этот, резко осуждая Казимира и братьев Ивана, вместе с тем объяснял колебания самого великого князя (отмеченные всеми летописями и хорошо известные современникам), перенося ответственность за эти колебания на „злых советников“.

* * *

Таким образом, мы приходим к выводу, что текст после 1479 года, дошедший до нас в составе Московского свода и сходных с ним летописей (Погод. 1409, БИЛ, Муз. 1512, с некоторыми отступлениями — Соф. I Царск.), представлял собой текст официального великокняжеского летописного свода. Чем же тогда объясняются те дополнения, которые делают к этому тексту Симеоновская и Воскресенская летописи (и отчасти Новгородская по Хронографическому списку), — дополнения, которые Шахматов выводил из недошедшего до нас официального свода, предполагая, что интересующий нас летописный текст был неофициальным? Обработка текста Московского свода в Симеоновской и других летописях — несомненный факт, но для того чтобы понять характер этой обработки, нам нужно учесть не только дополнения, имеющиеся в Симеоновской и Воскресенской летописях, но и сокращения, которые обнаруживаются в этих летописях по сравнению с Московским сводом.

Особенно ясно характер этой обработки выступает при сопоставлении рассказа об Угре в Московском своде и в Симеоновской летописи. Рассказ об Угре в Симеоновской (как и в Новг. Хрон. и некоторых других летописях) в общем несомненно близок к рассказу Московского свода (и имеет те же расхождения с Типографской летописью, что и Московский свод): здесь также читается вступительная часть, подчеркивающая роль братьев и соучастие Казимира в походе Ахмата; нет здесь утверждений (характерных для Типографской), что единственной причиной отступления татар была божья помощь. Однако наряду с этим рассказ Симеоновской летописи имеет и ряд отличий от рассказа Московского свода. Здесь, например, ничего не говорится о том, как архиепископ Вассиан, по поручению Ивана III, уговаривал братьев князя помириться с ним, обещая им территориальные уступки (Калугу и Алексин—Андрею);² не рассказывается, как митрополит и другие лица, находившиеся в Москве, „молили“ Ивана III „стоять крепко за православное христианство“.³ Наиболее же ярко разница между Московским сводом и Симеоновской летописью обнаруживается в том месте рассказа, где идет речь об окончательном соглашении между Иваном III и братьями после ухода Ахмата. Вот как читается это место в обоих текстах:

¹ ПСРА, XXIV, стр. 202—203; XXIII, стр. 162. Ср.: К. В. Базилевич. Новгородские помещики из послужильцев, Истор. зап., т. 14, 1945, стр. 70—71. Тучков и Ощеря упоминаются в рассказе Софийской II—Львовской (ПСРА, VI, стр. 230).

² ПСРА, XXV, стр. 326; Погод. 1409, л. 125 об. Ср.: ПСРА, XVIII, стр. 266.

³ ПСРА, XXV, стр. 327; Погод. 1409, л. 127. Ср.: ПСРА, XVIII, стр. 268.

Московский свод и сходные с ним летописи

Тогда же князь великий и братью свою пожаловал, прият их в докончание, князю Андрею Васильевичу Большому придал Можаяск, а князю Борису Васильевичу отступися сел его. И укрепишася крестным целованием разошася. Тое же зимы...¹

Симеоновская и сходные с нею летописи

Тогда же князь великий и братью свою пожаловал, прият их в докончание, князю Андрею Васильевичу Большому придал Можаяск, а князю Борису Васильевичу отступися сел его. Тое же зимы...²

Легко понять, что перед нами — не случайный пропуск, а очень значительное исправление текста: „крестное целование“ братьям было со стороны Ивана III серьезнейшей политической уступкой, уступкой, которую он сделал по крайней нужде, рассчитывая при первой возможности взять ее назад.

Чем же объясняется, что Московский свод (и сходные с ним летописи) сообщил об этой уступке (как и об обещаниях Ивана III братьям через Вассиана), а Симеоновская летопись (и сходные с ней) умолчала? Можем ли мы объяснить это более сочувственным отношением Московского свода к братьям Ивана III? Как мы видели, Московский свод самый поход Ахмата объяснял тем, что „братия отступиша от великого князя“; в этом своде говорилось даже, что хан выступил „по совету братьи великого князя, князя Андрея и князя Бориса“. Следовательно, ни о каком сочувствии Московского свода братьям не может быть и речи.

Для того чтобы понять причину столь существенного расхождения между Московским сводом и Симеоновской летописью, необходимо обратиться к политической истории 90-х годов XV века. Договор 1481 года между Иваном III и братьями, скрепленный крестным целованием, просуществовал недолго. В 1491 году Иван III, как мы узнаем из того же Московского свода, „сложи с себя крестное целование брату своему Ондрею Васильевичю за его измену, что он изменил крестное целование, думал на брата своего старейшего з братью... да посылал грамоты свои к царю Ахмату Болише орды, приводя его на великого князя на Русьскую землю ратью“.³ Князь Андрей был арестован; удел его — Углицкое княжество — присоединен к Москве. Расторгнув договор 1481 года, Иван III позаботился и об изъятии самого текста этого договора. Как установил Л. В. Черепнин, при присоединении Углича все документы местного княжеского архива, включая и углицкий противень договора 1481 года (московский противень и без того был в Москве), были отправлены в Москву.⁴ Естественно было внести соответствующую поправку и в великокняжескую летопись; если прежде упоминание этой летописи о „крестном целовании“ братьям было констатацией неприятного, но бесспорного факта, то теперь напоминание о „целовании“ 1481 года становилось совершенно излишним.

Когда могло быть произведено интересующее нас изменение летописного текста? Конечно, после 1491 года, но едва ли сразу же, в момент присоединения Углича. В то время, когда Иван III открыто заявлял

¹ ПСРЛ, XXV, стр. 328; Погод. 1409, л. 128 об. „Крестное целование“ есть и в рассказе Типографской летописи (ПСРЛ, XXIV, стр. 201).

² ПСРЛ, XVIII, стр. 269; IV (старое издание), стр. 154; IV, ч. 1, вып. 2 (новое издание), стр. 524. В Соф. I Царск., несмотря на ее близость к Московскому своду, и Погод. 1409 „крестное целование“ пропущено (ПСРЛ, VI, стр. 35).

³ ПСРЛ, XXV, стр. 333; Погод. 1409, л. 136 об.

⁴ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., т. 1. М. — Л., 1948, стр. 214.

о снятии „крестного целования“, не стоило еще скрывать самый факт существования этого „крестного целования“. Должно было пройти некоторое (хотя бы небольшое) время, острота воспоминаний обо всех этих событиях должна была несколько притупиться, — только тогда могла появиться возможность для удаления ненужного и обидного для великого князя упоминания о „крестном целовании“ (а заодно и известия об обещаниях братьям в 1480 году).

Итак, Московский свод и Симеоновская летопись отражают, по нашему мнению, разные редакции официального великокняжеского свода: в Московском своде (и сходных с ним летописях) отразилась редакция начала 90-х годов XV века, в Симеоновской летописи (и сходных с нею) — редакция конца 90-х годов. Отсюда и характерные отличия между обоими летописными текстами. Отличия эти выражаются, с одной стороны, в удалении сводом конца 90-х годов ряда известий своего источника. Так, Симеоновская летопись последовательно опускает даже те весьма сдержанные (по сравнению с неофициальным летописанием) известия о репрессиях Ивана III в Новгороде, которые читаются в Московском своде: под 1480 годом здесь нет известия о заточении и смерти опального новгородского владыки Феофила;¹ под 1482 годом о „поймании“ группы новгородских бояр;² под 1484 годом — об аресте и высылке под Москву другой группы бояр, „которые коромолу держали от него“;³ под 1489 годом Симеоновская летопись ничего не сообщает о „выводе“ в Москву новгородских бояр и „житых людей“.⁴ Пропуски эти были, очевидно, обусловлены той же причиной, которая вызвала удаление „крестного целования“ из рассказа об Угре. Речь шла о весьма острых политических мероприятиях, вызывавших (как мы могли видеть из неофициального летописания) довольно широкую оппозицию. По этой же причине, можно думать, были удалены и некоторые известия из рассказа об Угре: о том, как Ивана III уговаривали в Москве выступить против хана, о вторичном отступлении его к Боровску и т. д.⁵

Сократив ряд известий своего источника, свод конца 90-х годов в то же время дополнял его такими известиями, которых в своде начала 90-х годов не было. В Симеоновской летописи, как мы уже отметили, читается ряд известий преимущественно международного политического характера, которых в Московском своде нет. Под 1481 годом здесь подробно рассказывается о войне с ливонскими нем-

¹ ПСРЛ, XXV, стр. 326; Погод. 1409, л. 125; ПСРЛ, VI, стр. 34—35 (Соф. I Царск.). Ср.: ПСРЛ, XVIII, стр. 266.

² ПСРЛ, XXV, стр. 329; Погод. 1409, л. 130. Ср.: ПСРЛ, XVIII, стр. 269; IV (старое издание), стр. 155. В Соф. I Царск. этого известия нет (ПСРЛ, VI, стр. 35).

³ ПСРЛ, XXV, стр. 330; Погод. 1409, л. 131; ПСРЛ, VI, стр. 36. Ср.: ПСРЛ, XVIII, стр. 270; IV (старое издание), стр. 155; ПСРЛ, XXIV, стр. 204 (дополнительный текст Типографской летописи).

⁴ В Московском своде здесь утерян лист. См.: Погод. 1409, л. 134; ПСРЛ, VI, стр. 37. Ср.: ПСРЛ, XVIII, стр. 272; IV (старое издание), стр. 157; ПСРЛ, XXIV, стр. 206 (дополнительный текст Типографской летописи).

⁵ ПСРЛ, XXV, стр. 327—328; Погод. 1409, л. 127—128. Ср.: ПСРЛ, XVIII, стр. 268—269. Заслуживает внимания еще один пропуск свода конца 90-х годов — невмешательство Казимира здесь не мотивируется тем, что „тогда бо воева Минли Гирей царь Крымский королеву землю Подольскую, служа великому князю“ (см. там же; это известие есть и в Типографской летописи: ПСРЛ, XXIV, стр. 200). Известие о походе Менгли-Гирея на Подолию не связывается в Симеоновской и сходных с нею летописях со стоянием на Угре [ПСРЛ, IV (старое издание), стр. 155; IV, ч. 1, вып. 2 (новое издание), стр. 254 и т. д.]; оно приводится по окончании рассказа об Угре. Эта поправка, может быть, отражает некоторое изменение в русско-крымских отношениях в конце 90-х годов.

цами;¹ под 1490 годом — об отъезде брата Софии Палеолог, Андрея, о посольстве „в Волохи“ в Молдавию;² под 1491 годом — о новых сношениях с Молдавией;³ под 1492 годом — о переписи в Твери, приезде императорского посла, о сношениях с Молдавией и Крымом, и т. д.⁴ И это отличие, на наш взгляд, вполне объяснимо. История летописания (начиная уже с „Повести временных лет“) знает ряд случаев дополнения летописного свода задним числом на основе вновь привлеченных архивных материалов. В данном случае источник таких дополнений ясен: это — „Посольские дела“, привлечение которых для пополнения летописи становится с конца XV века все более частым явлением.⁵ В конце 90-х годов, в момент, когда Русское государство вступало в новую войну на западе, сопровождавшуюся сложной дипломатической подготовкой, естествен был интерес к дипломатии предшествующих лет (в частности, к сношениям с Молдавией, игравшей важную роль в русско-литовской борьбе). Не менее понятно включение рассказа о столкновении с ливонцами в 1481 году: в конце XV—начале XVI века военные действия против Ордена опять возобновились.

* * *

Симеоновская летопись представляется нам наиболее близким отражением великокняжеского свода конца 90-х годов XV века. Этот свод отразился (с рядом дополнений и наслоений) и в более поздних летописях XVI века — Софийской II—Львовской (начиная с 6998—1490) и Воскресенской. Тот же свод, как мы можем предполагать, лег в основу нескольких летописей, не имеющих официального характера. Это — Новг. Хрон. (и близкие к ней летописи) и дополнительный текст Типографской летописи.

Новгородская летопись, сохранившаяся в Хронографическом списке начала XVI века,⁶ довольно сложна по своему составу. В своей основной части это летопись, действительно, новгородская: текст ее от начала до 1446 года совпадает с текстом ряда списков Новгородско-Псковской летописи и представляет собой, по определению Шахматова, так называемую Новгородскую V летопись (соединение Новгородской I и Новгородской IV летописей).⁷ Но после 1446 года в Хронографическом списке следует уже известный нам текст летописи, отразившейся также в списке Погод. 1409 и в Соф. I Царск. (летопись, связанная с Федором Басенком). Используя эту несомненно московскую (общерусскую) летопись, Хронографический список не только не добавляет к ней новгородских известий, но, напротив, опускает целый ряд фактов из новгородской истории, которые в этой летописи читались. Так, известие 6984 (1476) года о походе Ивана III на Новгород здесь значительно сокращено (пропущено сообщение об аресте бояр); под 1477—1478 годом здесь не только нет пространных известий об окончательном присоединении Новгорода (читающихся в Погод. 1409 и

¹ ПСРЛ, XVIII, стр. 269. В Московском своде есть известие (краткое) о походе на ливонцев под 1483 годом (ПСРЛ, XXV, стр. 330; Погод. 1409, л. 130 об.).

² ПСРЛ, XVIII, стр. 273; IV (старое издание), стр. 157 (отъезда Андрея — нет).

³ ПСРЛ, XVIII, стр. 274; IV (старое издание), стр. 159—160; ПСРЛ, XXIV, стр. 208 (дополнительный текст Типографской летописи).

⁴ ПСРЛ, XVIII, стр. 275—276.

⁵ Д. С. Лихачев. Русские летописи. . . , стр. 354—355.

⁶ ГИМ, Син. 280. Старое издание: ПСРЛ, IV, 1848; новое издание (только начало): ПСРЛ, IV, ч. 2, 1917 (описание рукописи — стр. II—III).

⁷ А. А. Шахматов. Обзорение. . . , стр. 196—207.

Соф. I Царск.), но вообще нет ни слова об этом событии.¹ После 1479 года в Новг. Хрон. следует текст официального свода конца XV века, но не в редакции начала 90-х годов (как в Погод. 1409 и с некоторыми видоизменениями — в Соф. I Царск.), а в такой же редакции, как в Симеоновской: здесь опущено известие о „крестном целовании“ в 1481 году; не упоминается о репрессиях против новгородских бояр в 1482, 1484 и 1489 годах (но о смерти под арестом владыки Феофила упоминается);² включены зато известия о сношениях с Молдавией.³

Однако наряду с чертами, свойственными своду конца 90-х годов в целом, Хронографический список Новгородской летописи имеет ряд специфических особенностей, заслуживающих особого внимания с нашей стороны. Здесь нет, например, истории смерти сына Ивана III — Ивана Ивановича (неудачное лечение его лекарем Leoном, казнь Leона).⁴ Иначе, чем во всех современных ему летописях (конца XV — начала XVI века), излагает Хронографический список известие 6999 (1490—1491) года о разгроме новгородской ереси. Как свод начала 90-х годов (Московский свод, Погод. 1409, Соф. I Царск.), так и свод конца 90-х годов (Симеоновская летопись и ряд схожих с ней) ограничиваются в данном случае относительно кратким сообщением о том, как, после назначения Зосимы митрополитом, был собран собор на еретиков (перечисленных поименно) и их „от святых церквей отлучиша и в заточенье их разошлаша“.⁵ В Хронографическом списке Новгородской летописи использовано то же известие (основная часть его дословно совпадает с Московским сводом, Симеоновской и др.), но оно значительно расширено. Здесь содержится не только перечисление еретиков, но и подробное изложение их учений; пространнее изложен и приговор еретикам; заключительная часть известия придает ему характер цельного рассказа: великий князь и митрополит, наказав еретиков, „чистую и непорочную православную веру ясне утвердиша, и прославиша святую троицу в едином божестве... сердцем и усты исповедающе в веку, аминь“.⁶

Что представляет собой это известие? А. А. Шахматов видел в рассказе о соборе 1490 года Хронографического списка (повторенном и Воскресенской летописью) официальный текст соборного приговора. Источником его, по мнению Шахматова, должна была быть официальная летопись.⁷ Если бы мы приняли это предположение, то нам не только пришлось бы отказаться от взгляда на Московский свод и Симеоновскую летопись как на отражение официального летописания, но и предположить, что уже через несколько лет после собора, в 90-х годах XV века (когда были созданы Московский свод и летопись, сохранившаяся в списке Погод. 1409), официальный рассказ, содержащийся в Хронографическом списке, был подвергнут значительному сокращению, и именно эта сокращенная версия попала в большинство летописей. Однако предположение Шахматова опровергается весьма просто: до

¹ ПСРА, IV (старое издание), стр. 152. Ср.: Погод. 1409, лл. 122 об.—124; ПСРА, VI, стр. 33.

² См. стр. 174, примеч. 4—5; стр. 175, примеч. 2—3. О смерти Феофила см.: ПСРА, IV (старое издание), стр. 152.

³ ПСРА, IV (старое издание), стр. 157, 159, 160.

⁴ ПСРА, IV (старое издание), стр. 157.

⁵ ПСРА, XXV, стр. 331—332; Погод. 1409, л. 135—135 об.; ПСРА, XVIII, стр. 273—274; VI, стр. 38; XXIV, стр. 207 (дополнительный текст Типографской летописи). Ср. также: ПСРА, VI, стр. 240; XX, ч. 1, стр. 355.

⁶ ПСРА, IV (старое издание), стр. 158—159.

⁷ А. А. Шахматов. Симеоновская летопись... стр. 501.

нас дошел настоящий текст соборного приговора 1490 года (изданный в 1902 году и неизвестный Шахматову в период написания его статьи),¹ и мы имеем возможность сравнить его с рассказом Хронографического списка. Между обоими текстами не только не обнаруживается сходства, но имеются принципиальные расхождения, например в описании „неподобных дел еретиков“ (в Хронографическом списке еретикам приписывается взгляд на Христа как на пророка, подобного Моисею, празднование иудейской „фаски“; в официальном приговоре этого нет).

В Хронографическом списке до нас дошел, таким образом, отнюдь не официальный рассказ о соборе 1490 года. Но вместе с тем рассказ Хронографического списка обличает в составителе летописи если не хорошее знание предмета, то во всяком случае большой и специальный интерес к новгородской ереси конца XV века. Что же представляет собой эта летопись? Ответ на это дают, по нашему мнению, другие дополнения, обнаруживающиеся в Хронографическом списке при сравнении с остальными источниками. Не только известие о соборе 1490 года подверглось распространению в этом списке — известие о назначении Зосимы митрополитом здесь также дополнено. Автор считает нужным сообщить читателю, что по этому случаю „ноугородцкый архиепископ Геннадей прислал грамоту, к братии своей архиепископам и епископам, глаголя: благословен господь бог еже восхождет“ — далее следует весь текст грамоты Геннадия. Под тем же годом, после известия о соборе в Московском своде, Симеоновской и других летописях сообщается о поставлении епископа Коломенского Авраамия. Новг. Хрон. и здесь спешит сделать дополнение: „...а Ноугородцкый архиепископ Геннадей, — прибавляет она, — грамоты своя полныя не послал на его поставление“.² И, наконец, под тем же 1490 годом мы читаем еще одно добавление, хотя и не посвященное новгородскому архиепископу Геннадию, но тоже относящееся к Новгороду: о „знамени в Новгороде в Великом“.³

Как и большинство новгородских летописей, Новгородская V летопись была, повидимому, связана с новгородским архиепископским двором. Приведенные наблюдения позволяют прийти к выводу, что в Хронографическом списке этой летописи тоже содержится владычный свод — свод владыки конца XV века, Геннадия. Именно Геннадий, заклятый враг новгородских еретиков, мог озаботиться о расширении известия о соборном приговоре 1490 года. Именно в своде Геннадия, близкого сподвижника и союзника Иосифа Волоцкого, весьма естественно увидеть такую киноварную приписку к известию о смерти Пафнутия Боровского (1477): „тое же весны почал монастырь ставити старец Иосиф на Волоце“.⁴

Предположение, что Хронографический список Новгородской летописи представляет собой свод архиепископа Геннадия (или его непосредственное отражение), вполне удовлетворительно объясняет и состав этого свода. Московский ставленник в Новгороде, Геннадий, должен был считаться с политической великого князя; он не хотел рвать и с местной феодальной верхушкой. Вплоть до середины XV века летописец его следовал местной новгородской летописи. Но излагать события второй половины века — времени присоединения Новгорода — по новго-

¹ Чтения ОИДР, 1902, кн. III, отд. II, стр. 123—124.

² ПСРА, IV (старое издание), стр. 157—159.

³ ПСРА, IV (старое издание), стр. 159.

⁴ ПСРА, IV (старое издание), стр. 152, примеч. „д“.

родским источникам, враждебным Москве, было невозможно; составитель перешел на московскую неофициальную летопись, выпуская и из нее острый для новгородского читателя материал (излагать этот материал в московском духе он тоже не хотел). И, наконец, в последней части летописец взял московский официальный свод, соответственно его дополнив.

Следы этой же летописи Геннадия мы обнаруживаем и в составе новгородского свода 1539 года, дошедшего до нас в Новгородской IV летописи по списку Дубровского, в отрывке русской летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку, в так называемой Ростовской летописи и в одном из списков Никоновской летописи.¹ Текст этого свода с 1480 по 1491 год совпадает с Хронографическим списком — не только теми чертами, которые сближают этот список со сводом конца 90-х годов XV века вообще, но и теми особенностями, которые присущи специально Хронографическому списку (отсутствие подробностей гибели Ивана Ивановича и т. д.).² Под 6999 (1490—1491) годом мы читаем здесь те же известия, что и в Хронографическом списке: пространный рассказ о соборе 1490 года, несогласие Геннадия на поставление коломенского епископа, знамение в Новгороде и т. д.³

Летопись Геннадия отразилась, по нашему мнению, и в составе неизданной Вологодско-Пермской летописи. В основе ее, как показал Шахматов, лежит Московский свод 1472 года;⁴ последующий текст 1472—1479 годов близок здесь к своду 1479 года,⁵ но несколько сокращен по сравнению с ним. Под 1480—1483 годами в Вологодско-Пермской летописи читаются известия (стояние на Угре, поход Менгли-Гирея на Киев), не совпадающие с известными нам летописями и восходящие к неизвестному, но явно неофициальному источнику: яснее всего об этом говорит трактовка похода Менгли-Гирея на Киев как несчастья, происшедшего „грех ради наших“ (в отличие от приведенной выше официальной трактовки этого события как справедливого возмездия польскому королю).⁶ Текст Вологодско-Пермской летописи за 1483—1496 годы (после повторения 1483 года) явно восходит к двум источникам: местному и общерусскому.⁷ Источником местных известий Вологодско-Пермской летописи была какая-то севернорусская летопись, связанная, скорее всего, с епископом пермским Филофеем.

Но что представлял собой общерусский источник Вологодско-Пермской летописи? Сопоставляя его с уже известными нам летописями, мы обнаруживаем в нем характерные черты свода конца 90-х годов и именно той его редакции, которая ведет к предполагаемой летописи архиепископа Геннадия (подробности, связанные с Геннадием, собором 1490 года и т. д.).⁸

¹ ПСРЛ, IV, ч. 1, вып. 2, л., 1925, стр. 490—536; VI, стр. 277—315; XII, стр. 263 и сл. См. также: А. А. Шахматов. О так наз. Ростовской летописи. М., 1904, стр. 67—162 (текст) и 50—66 (исследование).

² ПСРЛ, IV, ч. 1, вып. 2, стр. 516 (смерть Феодосия — „Феодосия“), 524 (дата женитьбы Ивана Ивановича — 12 I вместо 16 I), 527 (смерть Ивана Ивановича).

³ ПСРЛ, IV, ч. 1, вып. 2, стр. 528—530 (нет только грамоты Геннадия о поставлении Зосимы).

⁴ А. А. Шахматов. Обзорение... стр. 346—354.

⁵ Ср.: М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи. Проблемы источниковедения, III, 1940, стр. 230—231.

⁶ БАН, 16.8.15, л. 281.

⁷ М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи, стр. 231—233.

⁸ БАН, 16.8.15, лл. 297—297 об. (здесь же — подробное сообщение о смерти Мамырева; ср.: ПСРЛ, IV, стр. 157), 298—302.

Свод конца 90-х годов отразился и в дополнительном тексте Типографской летописи. Основной текст этой летописи, доходящий до 1484 года, представляет собой, как мы знаем, неофициальный свод, связанный с Ростовом. Текст этот совпадает в обоих списках летописи — Типографском и Толстовском. После 1484 года совпадение между списками кончается, и в Типографском списке начинается новый, дополнительный текст — с 1482 по 1534 год. Дублировка двух годов (1482—1483) в Типографском списке, так же как отсутствие соответствующего текста 1482—1534 годов в Толстовском списке, — все это говорит о механическом присоединении дополнительного текста Типографского списка к основному тексту. С 6990 (1482) по 7002 (1494) год дополнительный текст Типографской летописи почти дословно совпадает с текстом Симеоновской и близких к ней летописей.¹ Но дальше в дополнительном тексте Типографской летописи обнаруживается все большее количество оригинальных известий. Под 7006 (1498) годом здесь читается совершенно уникальное (хотя, к сожалению, дефектное) сообщение о введении Иваном III нового судебника, а вслед за ним — рассказ о том, как великий князь просил у митрополита и епископов прощения „о своем брате Андрее Васильевиче, что своим грехом, неосторожною, его уморил“.²

Что представляла собой летопись, отразившаяся в заключительной части Типографского списка, — сказать трудно. А. А. Шахматов видел в ней углицкую летопись,³ А. Н. Насонов — митрополичью летопись начала XVI века.⁴ Последнее предположение представляется нам мало убедительным: в основе дополнительного текста Типографской лежит свод конца 90-х годов XV века — свод, глубоко отличный от обнаруженного А. Н. Насоновым промитрополичьего источника Софийской II—Львовской (читающаяся в дополнительном тексте Типографской официозная версия похода Менгли-Гирея на Киев совпадает с Московским сводом и резко противоречит приведенному выше рассказу Софийской II—Львовской о „пакостях“ хана); в оригинальной части дополнительного текста Типографской также нет никаких известий, связанных с митрополичьей кафедрой: о назначении в 1496 году митрополитом Симона здесь сообщается кратко и весьма небрежно — „възведен бысть на двор митрополичь игумен Троецкой Симон Чиж, и нарекоша его митрополитом“.⁵ Несомненно одно: дополнительный текст Типографской летописи — неофициальная летопись, использовавшая официальный свод конца 90-х годов XV века.

¹ См. стр. 174, примеч. 3—4; стр. 175, примеч. 3. В дополнительном тексте Типографской летописи читается также известие о переписи в Твери в 7000 (1491) году, отсутствующее в Новг. Хрон. (ПСРА, XXIV, стр. 209). Только одно известие 6997 (1489) года о поставлении ростовского архиепископа Тихона (ПСРА, XXIV, стр. 205—206) не находит себе соответствия в других летописях.

² ПСРА, XXIV, стр. 213—214.

³ А. А. Шахматов. Обзорные... стр. 299—300. Ср.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы, ч. II, стр. 293—294.

⁴ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества, стр. 722—723. А. Н. Насонов ссылается на наблюдение А. А. Шахматова, согласно которому эта часть Типографской летописи „основывается на каком-то особенном московском своде, который, между прочим, имеет общий протограф с Львовской и Софийской 2 летописями“. Однако у Шахматова идет речь о совпадении текста 6997—7002 (1489—1494) годов (ср.: А. А. Шахматов. Обзорные... стр. 299), т. е. той части текста, которая в Софийской II—Львовской совпадает с Симеоновской и другими летописями, отражающими официальный свод конца 90-х годов XV века; причем сходство между Типографской и Софийской II—Львовской на этом отрезке не больше, чем сходство каждой из этих летописей с Симеоновской и другими.

⁵ ПСРА, XXIV, стр. 213—214.

* * *

К какому году может быть приурочено составление свода, условно названного нами сводом конца 90-х годов XV века? На каком годе оканчивалось изложение этого свода? Ответ на этот вопрос несколько затрудняется тем обстоятельством, что Симеоновская летопись, которую мы можем считать наиболее близким отражением этого свода, не имеет конца, — текст ее оканчивается первым известием 7002 (конец 1493) года; на 7004 (конец 1495) годе обрывается изложение Хронографического списка Новгородской летописи. Все остальные летописи, содержащие текст этого свода, относятся уже к значительно более позднему времени: текст их продолжен до начала или даже до середины XVI века. Тем самым затрудняется не только определение границы свода конца XV века, но и установление последних частей текста этого свода: конец XV века был временем ожесточенной политической борьбы; борьба эта продолжалась и в начале следующего, XVI века, — текст летописи, отражающей эту борьбу, естественно, мог подвергнуться переделке уже через несколько лет. Это относится, в частности, к обстоятельствам борьбы за престол в конце княжения Ивана III: в 1498 году Иван III наложил опалу на своего сына Василия (и его мать Софию Палеолог) и назначил наследником внука — Дмитрия. В 1499 году Василий был прощен, но еще несколько лет, у власти оставался Дмитрий. В летописях XVI века мы не находим ни слова в объяснение опалы Василия — здесь говорится лишь о несправедливой опале Ивана на жену и сына „по дьяволю действу“.¹ Ясно, что перед нами — более поздняя версия, возникшая уже тогда, когда Василий вернулся к власти — стал наследником или, еще скорее, великим князем (после 1505 года). К счастью, однако, до нас дошел летописный отрывок, дающий иную, явно более раннюю, версию политических событий конца XV века. Этот отрывок сохранился в составе уже упомянутого новгородского свода 1539 года (список Дубровского, отрывок летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку, так называемая Ростовская летопись и один из списков Никоновской летописи), содержащего с 1480 по 1491 год текст летописи, сходный с Новг. Хрон. Но после 1491 (6999) года текст, совпадающий с Хронографическим списком, прерывается, и далее следуют известия из какого-то другого источника за годы 1498—1500 (7006—7008), под ошибочными датами 7000—7001 (ошибка эта, как убедительно показал А. Шахматов, вызвана тем, что переписчик принял начальные слова „в лето 7000 шестаго, декабря“ за „в лето 7000, шестаго декабря“).² После этого случайного отрывка известий 1498—1500 годов вновь приводятся известия 7001 (1493) и следующих годов, но уже по какой-то новгородско-псковской летописи. Сопоставление летописного отрывка, сохранившегося в своде 1539 года, с известиями 1498—1500 годов в Соф. I Царск., Воскресенской и других летописях XVI века обнаруживает любопытную разницу между ними. В основе всех этих летописей несомненно лежит один и тот же рассказ о событиях 1498—1500 годов (известия 1498—1499 годов в нескольких местах текстуально совпадают; текст известия о войне 1500 года сходится на большем протяжении). Но тракуются события этих лет в отрывке, сохранившемся в своде 1531 года, иначе, чем

¹ ПСРА, VI, стр. 43, 241; VIII, стр. 234.

² ПСРА, IV, ч. 1, вып. 2, стр. 530—533; XII, стр. 263—265. Ср.: ПСРА, VI, стр. 279 (здесь — „7006 декабря“); А. А. Шахматов. О так наз. Ростовской летописи, стр. 82—87, ср. стр. 55.

в остальных летописях: в отрывке объясняется причина опалы Василия и Софии, сообщаются подробности заговора сторонников Василия: „чтоб князю Василью от отца своего отъехати великого князя, казна пограбити на Вологде и на Белеозере и над князем Дмитрием над внуком израда учинити“, отмечается и подозрительная роль Софьи, с которой после этого Иван III „начат жити в бережении“. В отрывке, правда, сообщается и о том, как в следующем, 1499 году „князь Иван Васильевич всея Руси пожаловал сына своего князя Василья: вины ему отдал“, но это пожалование трактуется именно как прощение „вины“; самый факт „вины“ Василия остается вне сомнений.

Такая трактовка событий конца XV века помогает нам правильно определить характер и время составления летописи, отрывок которой сохранился в составе свода 1539 года. Близость текста отрывка (кроме процитированных мест о Василии III) к официальному летописанию XVI века, так же как пространнейший рассказ о военных действиях против Литвы, читающийся в отрывке под 1499—1500 годами, — все это дает основание предполагать, что перед нами фрагмент из официальной летописи. Текст отрывка заканчивается описанием блестящей победы русских (в июле 1500 года) на реке Ведрошь и перечислением пленных. Следует ли видеть в этом окончании случайный обрыв или летопись, лежащая в основе свода 1539 г., действительно кончалась на 1500 год? Нам представляется более вероятным второе предположение. Трактовка опалы Василия в 1497—1498 годах, как заслуженного наказания за „вину“, могла иметь место в официальной летописи только до 1500—1502 годов (когда Дмитрий был лишен звания великого князя Московского и всея Руси и наследником стал Василий).¹ В своде 1539 года до нас дошел, очевидно, фрагмент официальной летописи 1500 года.

Таким образом может быть, по нашему мнению, уточнена дата свода конца 90-х годов XV века. Протограф Симеоновской летописи, дающей наиболее близкое отражение этого свода, обрывался на 7002 (1494) годе, но читающийся в начале этой летописи список иерархов и князей говорит о том, что протограф ее относился к 1498—1502 годам.²

Великокняжеский свод 1500 года, обработавший более ранний свод начала 90-х годов XV века и оказавший влияние на ряд неофициальных летописей конца XV—начала XVI века, недолго просуществовал в неизменном виде. Вступление на престол Василия III неизбежно должно было привести к удалению из официальной летописи всего материала, неугодного правящему князю. Уже в первые годы княжения Василия была создана новая редакция великокняжеской летописи, сменившая свод 1500 года.³

¹ В большинстве летописей сообщается об опале на Дмитрия и назначении наследником Василия под 1502 годом (ПСРЛ, VI, стр. 48), но произошли эти события, очевидно, несколько раньше. Найденное нами сообщение краткого летописца относит окончательную победу Василия к 1500 г. (Я. С. Лурье. Первые идеологи Московского самодержавия. Уч. зап. ЛГПИ, т. 78, стр. 99—100); дата эта подтверждается документальными источниками (АСЭИ, т. 1, М., 1952, стр. 542, 549—550).

² Последним князем здесь именуется „Дмитрий сын Елены Волошанки“ (1498—1502). Ср. упоминание в списке иерархов — митрополита Симона (поставлен в 1495 году) и епископа Коломенского Авраамия (1490—1501); см.: ПСРЛ, XVIII, стр. 22—24. Ср.: А. А. Шахматов. Симеоновская летопись. . . , стр. 455. Самый список Симеоновской летописи — середины XVI века (судя по водяным знакам и одному дополнению в списке иерархов).

³ Существование этой редакции удостоверяется списком Царского Софийской I летописи, изложение которого доведено до 1509 года (ПСРЛ, VI, стр. 54). Однако

* * *

Предложенная выше характеристика летописных сводов конца XV века может, на наш взгляд, иметь существенное значение при использовании этих сводов в качестве исторического источника. Основной материал как по политической истории, так и по истории общественных движений этого периода содержится именно в разобранных летописях; исследователю этого материала, оценивающему то или иное известие, необходимо знать, что представляет собой в целом свод, содержащий данное известие. Однако летописи конца XV века являются не только источником по истории идеологической борьбы. Летописи вместе с тем и сами были фактом этой борьбы. Сопоставление различных по своим тенденциям общерусских сводов одного периода помогает увидеть в них публицистические памятники — ту самую публицистику конца XV века, которой так не хватает историкам этого периода. Правда, летописи — довольно своеобразный памятник публицистики. Свое мировоззрение летописцы выражали не в обобщенной форме, не в форме определенных идей, а в изложении фактов политической истории. Именно оценка этих фактов (резко расходящаяся в разных летописях) и давала возможность летописцу выступить в качестве публициста, идеолога той или иной группы.

Как и публицистические памятники XVI века, летописные своды конца XV века гораздо охотнее и шире уделяют внимание внутриклассовой борьбе, нежели борьбе между классами. Голос представителей угнетенных классов не получил непосредственного отражения ни в одной из разобранных летописей, — все они так или иначе отражают позиции господствующего феодального класса (некоторое отражение настроений посадских кругов можно, пожалуй, обнаружить только в одной из местных летописей — Псковской).¹ Феодальные (в широком смысле слова) тенденции официального летописания этого периода достаточно ясно обнаруживаются в рассказах о борьбе за Новгород, читающихся в сводах 1472 и 1479 годов. Падение Новгородской феодальной республики было исторически неизбежным событием; главным противником присоединения к Москве было реакционное боярство. Это обстоятельство с достаточной ясностью подтверждается новгородскими источниками. Последняя из летописей, относящихся ко времени новгородской самостоятельности, говорит о том, что „рать“ с Москвой „зачинали лучшие люди“; а „молодые люди“ во время Шелонской битвы 1471 года „вопили“ на „больших“ и отказывались идти в бой.² Об этом же свидетельствует один из разобранных выше неофициальных общерусских сводов: в Типографской летописи, отражающей, как мы предполагаем, Ростовский владычный свод, прямо говорится, что в 1471 году „земстии люди“ были на стороне великого князя.³ Но московская летопись XVI века, использовавшая рассказ Типографской, опустила место о сочувствии „земских людей“ великому князю.⁴ Официальные московские

в основе Соф. I Царск. лежит в значительной степени не свод 1500 года, а свод начала 90-х годов XV века (см. выше, стр. 166—175).

¹ Имеем в виду, например, сообщение Псковской I летописи под 1510 годом (Псковские летописи. М.—Л., 1941, стр. 96—97).

² ПСРЛ, IV (старое издание), стр. 127—128.

³ ПСРЛ, XXIV, стр. 189.

⁴ ПСРЛ, VI, стр. 191 (в Львовской этот рассказ отсутствует; очевидно, в своде 1488 года он не читался). На наличие этого места в Типографской и отсутствие его в Софийской II обратила внимание И. В. Лепко в диссертации „Летописи о падении Новгорода“ (Л., 1941), но не дала, на наш взгляд, правильной оценки этому факту (там же, стр. 83, примеч. 3).

своды конца XV века изображают расстановку сил в Новгороде совершенно иначе, чем не-московские летописи. Московская великокняжеская летопись исполнена аристократического презрения к „смердам, убийцам, шилникам и прочим безименитым мужикам“. С глубоким негодованием сообщает она о том, что этот „безименитый“ народ, собравшийся на вече, новгородцы, по своей глупости „государем зовут себе, Великим Новымгородом“. Вопреки приведенным выше источникам, московский официальный летописец утверждает, будто именно „худые мужики вечники“ (в противовес „лучшим людям“) были социальной опорой анти-московской партии.¹

В общерусских сводах отражается идеология господствующего класса феодалов, но отражается со всей присущей ей сложностью и противоречивостью. К концу XV века образование Русского централизованного государства стало фактом; против образования этого государства, против присоединения к Москве отдельных земель и княжеств не выступает ни одна из разобранных выше неофициальных общерусских летописей.²

Но если вопрос об образовании Русского государства уже не вызывал споров в летописании конца XV века, то вопрос о внутреннем строе этого государства, о политике его главы — „государя всея Руси“ — оказывался достаточно спорным. В Типографской летописи мы встречаемся лишь с осторожным осуждением отдельных сторон великокняжеской политики — репрессий в Новгороде (после 1479 года), недостаточно решительной тактики Ивана III в 1480 году. Свод, связанный с Федором Басенком, легший в основу Ермолинской, Погод. 1409 и других летописей, идет дальше. Последовательное и злорадное высмеивание военных неудач великокняжеских войск, ироническое описание московской политики в Ярославле, наконец прямое выражение возмущения в связи с расправой над серпуховскими боярами — все это говорит о том, что определенная часть московского боярства (чьи интересы, повидимому, защищал свод) уже к началу 70-х годов стала становиться в оппозицию к великому князю, нащупывая пути сближения с недовольной местной знатью. Еще яснее говорят об этом известия свода 1489 года, лежащего в основе Софийской II—Львовской. Движимые враждой к великокняжеской власти, сторонники митрополита Геронтия заходили весьма далеко: в своде 1489 года мы встречаем прямые выражения сочувствия мятежному князю (братья Ивана III) и местному (тверскому и новгородскому) боярству; обращаясь к недавнему прошлому московских великих князей, летописец прямо обвиняет Василия II в отравлении Шемяки³ и прозрачно намекает на то, что первая жена Ивана III „тверянка“ была отравлена ближайшими советниками великого князя.⁴ Свод этот, как мы видели, выступал и против внешней политики великого князя (союз с Менгли-Гиреем и т. д.).

В большинстве случаев нам трудно уловить прямую полемику между различными летописцами (до нас ведь дошли не летописные своды конца XV века, а лишь их отражение, да и то в неполном и случайном виде). Однако сохранившиеся в летописании параллельные (и резко раз-

¹ ПСРЛ, XXV, стр. 284—286.

² В Ермолинской летописи, как отметил Шахматов, читается даже (чуть ли не впервые в русской письменности) необычное именование московского великого князя „православным великим осподарем, во всей подсолонечной сущим“ (ПСРЛ, XXIII, стр. 157; ср.: А. А. Шахматов. Ермолинская летопись. . . , стр. 10).

³ ПСРЛ, XX, стр. 262, в Софийской II известия за этот год (и за весь период 6955—6961 годов) заимствованы из Московского свода (ПСРЛ, VI, стр. 180; ср.: ПСРЛ, XXV, стр. 273).

⁴ ПСРЛ, VI, стр. 186; XX, стр. 277.

личные по тенденциям) тексты некоторых рассказов (например о походе крымского хана Менгли-Гирея на Киев) дают основание утверждать, что ряд вопросов идеологии Русского централизованного государства был уже поднят в летописании конца XV века. Борьба за образование этого государства велась, как известно, в значительной степени под религиозными лозунгами — под лозунгами борьбы за православную веру против всевозможных „нехристей“. Такова была идеология литературных памятников, связанных с Куликовской битвой 1380 года; такова была идеология „Послания на Угру“ Вассиана. Но сослужив важную службу в борьбе за образование Русского государства, эта идеология к концу XV века стала представлять некоторые неудобства. Северо-Восточная Русь была объединена, но Западной Руси еще долго предстояло оставаться вне Русского государства. Начиналась длинная цепь войн против Польско-Литовского государства, войн, которые неизбежно приходилось вести на западнорусских, православных землях. Столь же неизбежны были и военные союзы против Литвы с „нехристями“, в первую очередь с Крымским ханом. Враги централизованного государства очень хорошо понимали трудность положения, в которое попадал, таким образом, „православный великий осподарь“: близкий к митрополиту летописец недаром с явным издевательством рассказывал о том, как „нехристь“ Менгли-Гирей, святотатственно разграбив Печерский монастырь и святую Софию, поделился своими боевыми трофеями с великим князем. Официальный летописец должен был найти достаточно веский ответ на это и подобные ему замечания. И он нашел такой ответ. Он и не думал отрицать, что поход Менгли-Гирея был предпринят „по слову великого князя“. Да, но поход этот был не „злойбой“, не „пакостью“, а справедливым возмездием „за неисправление королевское, что приводил царя Ахмата Болшия Орды... а хотя разорити православное христианство“.

Ягеллоны — худшие, более коварные враги христианства, чем прямые нехристи. Этой концепции, выдвинутой официальным летописанием конца XV века, предстояло в последующий период большое будущее. „Горее бесермен на противку богови востали есте“, — писал Грозный (от имени одного из своих бояр) литовскому воеводе Хоткевичу.¹ В послании к Курбскому он так оправдывал свои войны на западе: „Аще ли наш глаголеши воюющих на кристьян, еже на германы и литаоны — и несть сие. Аще бы и кристьяне были в тех странах, и мы их воюем по прародителей своих обычаю, яко же и прежде сего многажды случалося; ныне же вемы, в тех странах несть кристьян“.²

Если московский великокняжеский летописный свод конца XV века предвосхищал, таким образом, темы официальной публицистики XVI века, то настроения оппозиционных летописцев во многих отношениях могут быть сопоставлены с настроениями их собратьев — публицистов реакционно-боярского лагеря. Характерной чертой боярской публицистики был ее своеобразный оборонительный характер: не решаясь призывать к восстановлению феодальной раздробленности, не имея собственной положительной программы, которую можно было бы противопоставить программе укрепления централизованного государства, боярские реакционеры становились в позу защитников обиженных подданных от несправедливого гнева государя. К „кротости“ по отношению к „подручникам“, „вельможам и прочим слугам“ призывал молодого Ивана IV

¹ Послания Ивана Грозного, М.—Л., 1951, стр. 269.

² Там же, стр. 11.

Максим Грек, уверяя его, что „последние царие“ Византии погибли именно потому, что „хищаху неправедне имена подручников, презираху свои бояры“.¹ „Почто, царю, сильных во Израиле побил еси и воевод, данных ти на врага твоя, различными смертями расторгл еси... и на доброхотных твоих и душу за тя полагающих неслыханы от веки муки и смерти и гоненья умыслил еси. ? Чем провинили пред тобою и чем прогневали тя. ?“, — вопрошал Курбский в первом послании Ивану Грозному.²

Эта же тема проходит через оппозиционные своды конца XV века. „Недостойно быше православному великому осподарю, по всей подсолнечной сущю, и такими казньми казнити, и кровь проливати в святыи великий пост“, — рассказывает летопись, связанная с Ф. Басенком, описывая казнь серпуховских бояр в 1462 году. Промитрополичий свод 1489 года с большой тщательностью подбирает всевозможные примеры жестокости и несправедливости великого князя: тут и „обиды“ тверским боярам, и репрессии в Новгороде, и казни отдельных лиц. Особенно выразительны в этом отношении известия 6996 (1488) года — предпоследнего года свода. Перед нами как бы цельный рассказ о всевозможных казнях, репрессиях и несправедливостях великого князя. И завершается этот мрачный год зловещим предсказанием юродивого: „горети Москве на велик день“, — предсказанием, которое сбывается спустя некоторое время вопреки недоверию Ивана III.³

Летописание конца XV века перекликается с публицистикой XVI века не только по своей тематике. Poleмические приемы летописцев конца XV века тоже в значительной степени предвосхищали poleмические приемы их преемников.

Одним из излюбленных приемов русских публицистов была ирония, язвительная насмешка. Прием этот мы находим и у летописцев конца XV века, особенно в своде, который мы условно связываем с Федором Басенком. Блестящим образцом иронического стиля можно считать, например, место о ярославских чудотворцах, лучше всего сохранившееся в Ермолинской летописи. Начав с невинно-благочестивого заявления, что от гробов новых чудотворцев начало „прощати (исцелять) множество людей“, автор затем дерзко играет словами, говоря, что чудотворцы не принесли добра ярославским князьям: „простили ся они со своими вотчинами на век“, и доходит до прямого кощунства, объявляя самым „новым чудотворцем“ посланного Иваном III в Ярославль „Ивана Огафоновича Сущего, созиратая ярославской земли“ — „а иных его чюдес множество не мощно описати, ни исчести, понеже бо во плоти суще дьяшос (дьявол)“. Такой дерзкой иронии мы не найдем, пожалуй, даже у публицистов XVI века, хотя некоторые аналогии к этому месту встречаются. Вспомним, например, ответ Вассиана Патрикеева митрополиту Даниилу: „То ведает бог, да ты со своими чудотворцами“, и шутку Ивана Грозного по адресу „чудотворца“ Кирилла, который оказывается в худшем положении, чем опальные бояре: „Ино над Воротыньским церковь, а над чюдотворцем нет. Воротыньский в церкви, а чюдотворец за церковью! И на Страшном спасове судищи Воротыньский да Шереметев выше станут: потому Воротыньский церковью, а Шереметев законом, что их кирилова крепче“.⁴

Исполнены иронии и рассказы о военных неудачах в том же летописном своде. Продажного воеводу Беклемишева автор издевательски

¹ Максим Грек, Сочинения, ч. II, Казань, 1860, стр. 167, 184, 351.

² Послания Ивана Грозного, стр. 534.

³ ПСРА, VI, стр. 238; XX, стр. 353.

⁴ Послания Ивана Грозного, стр. 173.

именует „человеком на рати вельми храбрым“ (тут же описывая его скандальное поведение). Неудачная попытка захватить татар врасплох описывается так: „Некто уноша именем Айдар, постелник великого князя, наполнился духа ратна, и не отпустя их (татар) нимало от судиа и кликну на них, они же устрашишася и вметашася в суды и побегоша на Волгу; в той же день содеяся спасение велико татаром, здоровьем Григорьева сына Карповичя Айдаровым“. „Наполнился духа ратна“ звучит почти как пародия — пародия едва ли не на „Слово о полку Игореве“, где Игорь тоже „напльнився ратного духа“. Стоит заметить, что из свода, связанного с Басенком, этот иронический прием проник и в летописание конца XV века. Под 1496 годом мы читаем в нескольких летописях такой рассказ о нападении шведов на Иван-город: „Воевода и наместник иванегородский, именем князь Юрий Бабичь, наполнился духа ратна и храбра, нимало супротивися супостатом, ни граждан окрепив, но вскоре устраившася и побеже из града“.¹ Аналогичные насмешки над военными неудачами можно найти и в публицистике XVI века, например в посланиях Грозного Курбскому (военные неудачи бояр) и Грязному.

Отмеченные нами оппозиционные летописные своды доходили до 70—80-х годов XV века; начиная с 90-х годов великокняжеское летописание все более теснит летописание, восходящее к иным источникам. В XVI веке борьба общественной мысли получает выражение главным образом в отдельных публицистических памятниках; публицистическая струя в летописании слабеет. Это не значит, однако, что элементы публицистики совсем исчезают из летописания. И в XVI веке летопись участвует в борьбе общественной мысли, и в XVI веке официальным летописцам было с кем полемизировать. Говоря о летописях как о своеобразном литературном жанре, Д. С. Лихачев сравнил однажды (пользуясь художественным образом, взятым из самой летописи) летописное изложение с „течением большой русской реки“: „в этом течении летописного повествования соединились многочисленные притоки... слившиеся здесь в единое и величественное целое“.² Но своеобразие этой „большой русской реки“ заключается не только в том, что она способна принимать в себя многочисленные „притоки“, но и в том, что от нее постоянно ответвляются различные „рукава“, текущие иногда совсем в ином направлении, чем главный поток. Мы уже наблюдали эти явления на примере свода 1500 года. Свод этот, официально-великокняжеский по своему характеру, породил летопись архиепископа Геннадия, стоявшего в прямой оппозиции к политике Ивана III, и неизвестную по характеру, но явно неофициальную летопись, отразившуюся в дополнительном тексте Типографской летописи. То же явление мы встретим и в XVI веке: официальное летописание будет постоянно порождать неофициальные своды, иногда оппозиционно-боярские по своему направлению (например Воскресенская летопись 1542 года), с которым в свою очередь официальное летописание будет вести идеологическую борьбу.

Элементы публицистики были всегда присущи летописанию; они сохранились в нем до того времени, пока летописание как жанр не перестало существовать.

¹ ПСРЛ, VI, стр. 42; VIII, стр. 233. Ввиду прекращения текста Симеоновской летописи до 1496 года мы не можем точно сказать, читалось ли это известие в официальном своде 1500 года или оно проникло в летописание позже.

² Повесть временных лет, ч. II, стр. 5.